Первая русская революция: взгляд из XXI века / П.П. Марченя, С.Ю. Разин, Б.Х. Алимов, В.В. Бабашкин, В.П. Булдаков, О.Г. Буховец, И.И. Глебова, А.В. Гордон, В.А. Демин, С.С. Ипполитов, А.В. Казаков, С.Г. Кара-Мурза, А.И. Колганов, В.В. Кондрашин, Д.И. Люкшин, Н.В. Макаров, С.М. Миронов, А.В. Репников, Ф.А. Селезнев, Р.А. Циунчук, А.В. Чертищев, В.М. Шевырин; под ред. П.П. Марченя, С.Ю. Разина. – М.: Соционет, 2016. – 94 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://users4496447.socionet.ru/files/prr.pdf

ПЕРВАЯ РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ: ВЗГЛЯД ИЗ XXI ВЕКА

Сост. и ред.: ***П.П. Марченя, С.Ю. Разин***

27 октября 2015 г. в рамках научного проекта «Народ и власть» в Москве в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации состоялся Международный круглый стол «Первая русская революция: взгляд из XXI века». Наряду с проектом «Народ и власть» организаторами «стола» выступили фракция партии «Справедливая Россия», Московский экономический институт (МЭИ), Институт мировой экономики и информатизации (ИМЭИ), Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ) и журнал «Новый исторический вестник».

Участникам была предложена следующая примерная проблематика дискуссий «круглого стола»:

– *«Первая русская революция»: понятие, смысл, пределы*;

– *Революция или Смута: кризисный ритм Империи России и терминологический арсенал исторической науки*;

– *Царь и революция в пространстве народной утопии*;

– *Традиция и Модерн в системном кризисе российского общества начала XX в.*;

– *Индустриализация страны в контексте российских смут и революций XX в.;*

– *Рождение Государственной Думы в зеркале массового сознания*;

– *Теория и практика российского парламентаризма в контексте системного кризиса России*;

– *Российская многопартийность: прорыв к гражданскому обществу или фактор Смуты*;

– *Либералы и либерализм в Русской смуте*;

– *Смута и ленинизм: «Генеральная репетиция Октября»*;

– *Элиты и массы в Первой русской революции: «Две России» в поисках одной Правды*;

– *Homo Russicus в условиях Смуты: антропологическое измерение системных кризисов отечественной истории*;

– *Уроки революции в контексте современной истории.*

В итоге, в дебатах «круглого стола» приняли участие 22 ученых, представляющих научные журналы, научно-исследовательские организации и вузы 3 государств:

– *России* (Казань, Москва, Нижний Новгород, Пенза);

– *Беларуси* (Минск);

– *Таджикистана* (Худжанд).

В дискуссиях участвовали *(сведения об участниках приведены по состоянию на время проведения «круглого стола», участники перечислены в алфавитном порядке)*:

1. кандидат исторических наук, доцент, заведующей кафедрой международных отношений Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики **Батуржон Хамитович Алимов** (Таджикистан, Худжанд);

2. доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры политико-правовых дисциплин и социальных коммуникаций Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ **Владимир Валентинович Бабашкин** (Россия, Москва);

3. доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН **Владимир Прохорович Булдаков** (Россия, Москва);

4. доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии Белорусского экономического государственного университета, главный научный сотрудник Института Европы РАН **Олег Григорьевич Буховец** (Беларусь, Минск);

5. доктор политических наук, доцент, руководитель Центра россиеведения Института научной информации по общественным наукам РАН **Ирина Игоревна Глебова** (Россия, Москва);

6. доктор исторических наук, заведующий сектором Восточной и Юго-Восточной Азии Института научной информации по общественным наукам РАН **Александр Владимирович Гордон** (Россия, Москва);

7. доктор исторических наук, доцент **Вадим Александрович Демин** (Россия, Москва);

8. кандидат исторических наук, директор Издательского центра РГГУ, издатель журнала «Новый исторический вестник» **Сергей Сергеевич Ипполитов** (Россия, Москва);

9. кандидат политических наук, депутат (председатель подкомитета по Интернету и развитию электронной демократии Комитета по информационной политике, информационным технологиям и связи; член фракции партии «Справедливая Россия») Государственной Думы Федерального Собрания РФ **Алексей Валерьевич Казаков** (Россия, Москва);

10. доктор химических наук, профессор, главный научный сотрудник Института социально-политических исследований РАН, член Союза писателей России **Сергей Георгиевич Кара-Мурза** (Россия, Москва);

11. доктор экономических наук, профессор, заведующий лабораторией по изучению рыночной экономики экономического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова **Андрей Иванович Колганов** (Россия, Москва);

12. доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой «История России, краеведение и методика преподавания истории» Пензенского государственного университета, депутат (член Комитета по науке, образованию и культуре) Совета Федерации Федерального Собрания РФ **Виктор Викторович Кондрашин** (Россия, Пенза);

13. кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры мировой политики и международных экономических отношений Института международных отношений, истории и востоковедения Казанского (Приволжского) федерального университета **Дмитрий Иванович Люкшин** (Россия, Казань);

14. кандидат исторических наук, начальник отдела естественнонаучных методов исследований в гуманитарных науках Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) **Николай Владимирович Макаров** (Россия, Москва);

15. кандидат исторических наук, доцент, заместитель начальника кафедры философии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя; доцент Учебно-научного центра «Новая Россия. История постсоветской России» Историко-архивного института РГГУ; автор/соавтор и редактор научного проекта «Народ и власть» **Павел Петрович Марченя** (Россия, Москва);

16. депутат (руководитель фракции партии «Справедливая Россия») Государственной Думы Федерального Собрания РФ **Сергей Михайлович Миронов** (Россия, Москва);

17. проректор по воспитательной работе и связям с общественностью МЭИ, автор/соавтор и координатор научного проекта «Народ и власть» **Сергей Юрьевич Разин** (Россия, Москва);

18. доктор исторических наук, доцент, заместитель начальника Центра документальных публикаций Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), профессор кафедры истории, философии и литературы Российского университета театрального искусства (ГИТИС) **Александр Витальевич Репников** (Россия, Москва);

19. доктор исторических наук, профессор, заведующий Центром краеведческих исследований Института международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского **Федор Александрович Селезнев** (Россия, Нижний Новгород);

20. доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры международных отношений и зарубежного регионоведения Института международных отношений, истории и востоковедения Казанского (Приволжского) федерального университета **Рустем Аркадьевич Циунчук** (Россия, Казань);

21. доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры философии Московского университета МВД России имени В.Я Кикотя **Андрей Владимирович Чертищев** (Россия, Москва);

22. кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН, заместитель главного редактора журнала «Россия и современный мир» **Виктор Михайлович Шевырин** (Россия, Москва).

Предлагаем вашему вниманию материалы дискуссии, состоявшейся в ходе круглого стола «Первая русская революция: взгляд из XXI века» (текст публикуется впервые).

***

А.В. Казаков: Добрый день, уважаемые коллеги! Спасибо большое, что все пришли для обсуждения. Слово для приветствия и открытия нашего мероприятия предоставляется председателю партии «Справедливая Россия»,

руководителю фракции «СР» в Государственной Думе, человеку, который очень активно поддерживает российскую науку, С.М. Миронову.

С.М. Миронов: Уважаемые коллеги, прежде всего я рад всех приветствовать в стенах Государственной Думы от имени фракции «Справедливая Россия». Я признателен А.В. Казакову и организаторам проекта «Народ и власть» за то, что они инициировали такой интересный «круглый стол» с не очень традиционной по нынешним временам тематикой. Я на самом деле считаю, что это вопрос, который заслуживает всестороннего обсуждения и пристального внимания.

Сразу хочу принести извинения, что поприветствую вас и, к сожалению, после вступительного слова буду вынужден уйти: график-план поменялся, пошли, как всегда в политике бывает, непредвиденные изменения. Поэтому заранее хочу пожелать успешной работы «круглому столу». Ведется стенограмма, которую я обязательно прочту, все ваши выступления, замечания и идеи я внимательно буду читать, потому что действительно тема мне представляется очень интересной.

События революции 1905–1907 гг. в России привлекают внимание политиков, обществоведов и историков вот уже более ста лет. Тем не менее, нам все еще предстоит осмыслить их в полной мере как глубочайший общенациональный кризис. Кризис, который затронул все сферы общественной жизни и имел несколько альтернативных вариантов развития. Не подлежит сомнению, что 1905 г. явился одним из наиболее драматичных моментов в процессе модернизации российского общества. Слишком высокая степень эксплуатации народных масс, бьющая в глаза несправедливость существующего в стране политического режима и близорукое, пренебрежительное отношение властей к элементарным правам людей поставили Россию на грань гражданской войны.

По словам С.Ю. Витте, в то время было уже, цитирую: «...невозможно вести политику явно несправедливого поощрения привилегированного меньшинства за счет большинства. Политики и правители, которые этого не

понимают, готовят революцию, которая взрывается при первом случае, когда правители эти теряют свой престиж и силу». Именно по этому сценарию в конечном итоге и развивались события в России.

По сложившейся традиции принято считать, что революция 1905 г. закончилась поражением, однако она во многом изменила лицо Российской империи. Россия приобрела ряд существенных черт конституционно-парламентского строя, родилась система многопартийности. Один тот факт, что глава государства лишился права единоличного принятия законов, дает основание поставить революцию 1905 г. в один ряд с «Великими реформами» 1860–1870-х гг. Трудно переоценить и влияние революции на изменение общественно-политического климата в стране, на рост социальной активности всех слоев населения.

Знаковые для нашей Родины исторические события требуют постоянного осмысления применительно к дню сегодняшнему. Без четкого понимания всего комплекса социальных, экономических и политических причин, которые привели к революции 1905 г., невозможно разобраться во всех последующих драматических коллизиях, изменивших ход развития России. Необходимо с помощью научных методов отделить историческую правду от всевозможных домыслов, мифологии и откровенных фальсификаций, которых накопилось слишком много, особенно за последние годы. Следует пресекать попытки расплодившихся мошенников от истории, провокаторов, а также агрессивных невежд, подменяющих исторические факты, пусть и горькие для нас, всевозможными выдумками и прямой клеветой на российский народ.

Наконец, очень важно понимать, что сегодня в мире идет информационная или, как ее еще называют, гибридная холодная война. И полем битвы в этой войне в том числе является историческая память. Нередко в средствах массовой информации и в Интернете можно прочитать, что Россия – «страна рабов», и в ней не было и не может быть никакой «нормальной» жизни. Нас призывают непрерывно каяться перед всеми «просвещенными» народами за наше прошлое. Молодому поколению пытаются внушить, что вся

российская история – это сплошное насилие и реки крови. Противостоять этим потокам антироссийской и русофобской пропаганды можно и должно вооружившись рациональным научным знанием, убедительными аргументами, логикой, опирающейся на силу исторических фактов. Поэтому мы так ценим вашу работу – историков, политологов, социальных философов.

В заключение хочу сказать, что идеология нашей партии, партии «Справедливая Россия» – это идеология эволюционного развития общества. Мы не приемлем революционных потрясений, но требуем от власти соблюдения политических и социальных прав людей, справедливого распределения народного богатства.

Надеюсь, что сегодняшняя дискуссия будет плодотворной. Желаю всем участникам успешной работы. Спасибо.

С.Ю. Разин: Добрый день, уважаемые коллеги! Я рад приветствовать вас на нашем «круглом столе», организаторами которого, наряду с фракцией партии «СР» в Государственной Думе, являются научный проект «Народ и власть», МЭИ, ИМЭИ и РГГУ. Мы исходим из того, что Первая русская революция является важнейшей частью системного кризиса российского общества начала XX в. В свою очередь, современный период отечественной истории, начавшийся в конце прошлого столетия, также рассматривается многими исследователями как системный кризис нынешнего российского общества. Необходимость осмысления периодически повторяющихся системных кризисов является одним из главных вызовов для правящего слоя и интеллектуального класса современной России. Сегодня, в ситуации ведущейся против России перманентной информационной войны, изучение российских смут и революций стало исключительно значимой проблемой цивилизационной идентичности и социокультурного самоопределения. Вне понимания природы и социокультурного механизма российских смут и революций невозможно дать ответ на вопрос о месте и роли России в мировой истории. Без этого невозможно стратегическое планирование развития страны в XXI в.

П.П. Марченя: Уважаемые коллеги, я тоже рад приветствовать и всех тех, кто уже неоднократно был на наших мероприятиях, и тех, кто пришел к нам впервые. Сначала еще несколько слов о том, как этот «стол» задумывался. 23 октября, несколько дней назад, у нашего проекта был день рождения. 6 лет назад – 23 октября 2009 г. – в Институте социологии РАН состоялся первый наш международный «круглый стол», который назывался «Народ и власть в российской смуте». Ведущим его был присутствующий здесь В.П. Булдаков, главный «смутовед» нашей страны. И вот как раз тогда и была «нащупана» та тема, которая, собственно говоря, и дала название нашему проекту – «Народ и власть». Соответственно, мы исходим из того, что в истории нашей существует неслучайно сложившаяся система взаимоотношений власти и народа, и одна из тем, ключевых для понимания этой системы, – это как раз «Смута». Тогда еще В.П. Булдаков говорил, что смута – это скорее художественный образ, чем теоретический концепт. Но мы все-таки исходим из того, что у смуты иное смысловое содержание. Речь идет как раз о том, что народ и власть – как главные агенты нашей истории – периодически оказываются в состоянии «антирезонанса», когда они вынуждены вновь искать и заново обретать временно утраченную гармонию. Поскольку народ на кратком историческом промежутке изменить нельзя, то речь, конечно же, идет о смене власти. И всякая смута, так или иначе, – это тот период, когда народ опять ищет «свою» власть: то есть каждая смута начинается с «бегства от власти», которая уже не признается «своей», и заканчивается «бегством к власти», которая «своей» признается. В этом смысле смута – это такая болезнь Империи, которая периодически не может не возникать, потому что рано или поздно «старая» власть это единство с народом утрачивает, и тогда народ вынужден «свою» власть искать заново, и происходит это насильственно, – это и называется смутой.

И в таком смысле другое слово, которое для нас важно, в которое мы вкладываем тот смысл, что пока не является общепринятым в литературе, – это слово «Империя», лишенное негативных коннотаций. Мы исходим из того, что

главное в слове «Империя» – это даже не «Империум» как власть и не «Император» как олицетворение этой власти, а «Императив» как властное веление, связывающее человеческую историю с высшим миром, с идеалом должного. Всякая империя представляет собой такую систему взаимодействия власти и общества, которая основана на существовании и трансляции неких императивов, придающих смысл самому существованию как власти, так и общества в целом. То есть фактически Империя – это единственно возможная, исторически тысячелетиями апробированная, форма жизни Императива в массах. Вот шесть лет назад мы с этой темы начали – и сегодня уже в Государственной Думе эту тему продолжаем.

Хочу также обратить внимание, что название «стола» носит заведомо провокационный характер, потому что «Первая русская революция» – это в общем-то словосочетание, которое сегодня уже вряд ли можно считать общенаучно принятым. Большинство историков давно восприняли идею, что сложно говорить применительно к этому периоду о «первой», «второй», «третьей» революциях, – речь идет о каком-то более масштабном и целостном глубинном процессе, который мы и называем «Смутой». Таким образом, это была и не «первая», и не «революция»... Хотелось бы, чтобы сегодня мы попробовали откровенно ответить на те вопросы, которые вынесены в специальную проблематику «стола» и лежат сейчас перед вами. Спасибо.

В.П. Булдаков: Нам было предложено придерживаться обозначенной тематики. Не знаю, что получится, но мне эту самую тематику сразу хотелось бы сломать. Первым был поставлен вопрос: «Первая русская революция: понятие, смысл, пределы». Ну, наверное, об этом было бы более уместно поговорить в конце нашей дискуссии. Что касается «революции» и «смуты», как в качестве понятий, так и метафор, то об этом можно рассуждать бесконечно. Мне кажется, что все-таки надо держаться поближе к конкретике, начав с известных всем еще по школьным учебникам событий – «Кровавое воскресенье» 9 января... Отсюда начинается целая цепь событий: здесь и терроризм, и забастовочное движение, и крестьянские восстания, и еврейские

погромы, и солдатско-матросские бунты, и декабрьское вооруженное восстание, и даже партизанская борьба. В учебниках замалчивается, что тогдашняя Россия (прежде всего Россия крестьянская) фрагментизировалась – то есть целые регионы оказывались вне правительственного контроля... Кое-где возникали «крестьянские республики», мощные очаги партизанского сопротивления. Ответом стал правительственный террор. Об этом в последнее время также не говорят. В общем, события тех двух, двух с половиной лет – это прежде всего разгул спонтанного насилия. Это насилие нельзя сводить к партийному терроризму – эсеровскому, большевистскому, анархистскому. Оно было взаимосвязанным, системоразрушающим. Вот об этом, мне кажется, следовало бы прежде всего поговорить.

Был поставлен вопрос: «Царь и революция в пространстве народной утопии». Но ведь нельзя забывать о том, что волну гигантского насилия в значительной степени спровоцировала сама власть, и даже, путь невольно, сам император январским расстрелом рабочих в столице Российской империи. И здесь дело даже не в количестве жертв, которых, конечно, было много. Народной жертвенностью воспользовались террористы. Террор стал казаться нравственно оправданным, что, между прочим, в значительной степени предопределило ход исторических событий на много лет вперед. Народ разуверился в царе и возненавидел *его* власть. В патерналистской системе принято считать, что в тяжелую минуту можно обратиться к высшей (даже критикуемой) власти, выставить «справедливые» требования – и это будет услышано. Поэтому расстрельный ответ стал страшным потрясением для народа, точнее, пока лишь его части.

И, если мы говорим о царе и революции в пространстве народной утопии, то с 9 января 1905 г. последовали волны болезненных разочарований, неуклонно деформирующих образ власти. Это, конечно, не значит, что царь предстал законченным негодяем, кровавым деспотом и т.п., хотя эпитетов такого рода прозвучало немало. Начался своего рода волнообразный процесс, раскачивающий государственную лодку. Вот на это я хотел бы обратить

внимание. Возможно, 9 января была пройдена та «точка невозврата», после которой утопия благостных отношений власти и народа сделалась невозможной.

Далее. Был поставлен вопрос о Традиции и Модерне в системном кризисе Российской Империи. Было сказано о том, что Первая русская революция – это наиболее драматичный момент в истории модернизации России. Я бы не стал говорить о «модернизации» – ни применительно к данному случаю, ни вообще. И дело не только в том, что этот термин у нас слишком заезжен. Он малоуместен в российском культурно-историческом пространстве. В России власть «модернизировала» и «модернизировалась» исключительно ради самосохранения. На мой взгляд, именно на это стоит обратить особое внимание. С другой стороны, как можно говорить о модернизации (а она может носить только системный характер), если к 1905 г. стало совершенно ясно, что народ и власть, российские элиты, пребывают в совершенно разных социокультурных измерениях, если угодно, живут в разных исторических эпохах. Народ, допустим, где-то в XVII в., если не в более раннем периоде. Он представлял (и представляет) традиционное общество. Что касается российских элит, то они упорно пытаются скорее «самомодернизироваться», нежели модернизировать народную массу. Между тем, поспешное западничество *противоположно* естественному модернизационному процессу. Оно лишь будоражит традиционализм, вызывая тем самым антимодернизационную реакцию. Иного и быть не может, поскольку общий язык у элит с массами отсутствует.

Конечно, процесс культурного раскола начался задолго до революции 1905 г. В связи с этим нельзя не отметить 1861 г. – как тот самый год, который, по ленинскому определению, и породил 1905-й. Это действительно так: до отмены крепостного права крестьяне и помещики были ближе друг к другу. Они были зависимы друг от друга, вынуждены были понимать друг друга. Поэтому при всех достоинствах (подчеркиваю, – достоинствах) крестьянской реформы, она была сделана непонятно для крестьян. Крестьяне, знаете ли,

мыслили просто: мы – помещичьи, но земля наша, а если мы больше не помещичьи, то земля остается за нами – никакого выкупа, временнообязанного состояния и т.д. и т.п. В России народ вообще не понимает «временных» состояний. Власть по определению никак не может быть «временной», то есть какой-то половинчатой – это противоречит ее естеству. Элиты этого не учитывали. И вот в таких обстоятельствах крестьянам так и не объяснили реформаторского смысла их освобождения. Они не поняли реформы. Ну и, конечно, в условиях последующего гигантского аграрного перенаселения (оскудения центра, миграций и т.п.) 1861 год не мог не породил 1905-го. А «стержнем» последнего (в этом сомневаться не приходится), была именно аграрная революция.

Казалось бы, в XXI в. аграрный вопрос, как таковой, вроде бы снят с повестки дня. Но нельзя забывать, что даже спустя 110 лет сохраняются его социокультурные последствия. К сожалению, элиты и основная масса российского населения по-прежнему пребывают в разных социокультурных измерениях. Элита продолжает жить на европейский манер и действовать в традициях Модерна. Что касается масс, то они воспринимают власть в более упрощенной, традиционалистской манере. По-прежнему считается, что власть может все, и, соответственно, ответственна за все. Народ принимает эту власть, худо-бедно выполняет ее указания, но он не считает себя ответственным за происходящее. Вот такая архаичная ситуация, характерная для традиционных аграрных обществ.

В связи с этим хочется особо подчеркнуть вот какую мысль. Конечно, глядя на революцию 110-летней давности из XXI века, видишь ее совсем не так, как представлялась она ее участникам. Соответственно, многие события и даже ключевые моменты революции просто выпадают из общей ее картины. «Современное» сознание попросту выталкивает их из памяти, как нечто малозначительное и даже «ненужное». И, конечно, может показаться, что 110 лет назад, в условиях «разгула» российской многопартийности, открывалась «столбовая дорога» России к «демократии» и «процветанию». Но все не так

просто. Так не бывает в истории: в ней отнюдь не доминируют желаемые ныне бренды. И для того, чтобы уловить реальные закономерности революции, надо распознать, что можно было и чего не нужно было делать в те отдаленные времена. К сожалению, в экстремальных ситуациях люди руководствуются эмоциями, а не разумом. Во всяком случае, кажется несомненным, что расстреливать демонстрацию к Зимнему дворцу не следовало.

Можно ли было этого избежать, я не знаю. Но, во всяком случае, совершенно ясно, что правящие круги, элиты не только проявили здесь отсутствие дальнозоркости, но и потеряли разум.

Хотел бы вот еще на что обратить внимание. Иногда говорят о том, что, не будь Русско-японской войны, было бы все хорошо. Я в этом серьезно сомневаюсь (не касаясь в данном случае вопроса о целесообразности движения России на Восток). Думаю, что тот системный кризис, о котором мы не раз говорили, уже давно назрел. С войной, или без войны, события все равно развернулись бы примерно тем же порядком, хотя с некоторыми вариациями. И уж конечно не стоит думать (о чем у нас сегодня в очередной раз заговорили), что революция была «сделана на японские деньги» (известная история с полковником М. Акаши). Я хотел бы вновь подчеркнуть, что ни одна революция на деньги не делается. Думаю, весь опыт Коминтерна, все попытки сделать на советские деньги революции на Западе, на Востоке, где угодно... – недаром столь выразительно провалились.

С.Ю. Разин: Владимир Прохорович, вот такой вопрос у меня к вам. Столь же часто, как о японских деньгах, ведутся разговоры о том, что не повезло России в начале XX в. с правителем: Николай II слабый, такой-сякой... был бы другой правитель, был бы Иосиф Виссарионович, завернул бы гайки, и все было бы замечательно и т.д. Ваше отношение к этим разговорам?

В.П. Булдаков: Как к этому можно относиться? Действительно, Николай II был слабым правителем. Действительно, по своим личным качествам он совершенно не соответствовал сложности переживаемого момента. Что к этому можно добавить? Пусть будет слабый правитель, но он

хотя бы должен уметь трезво оценивать возникшую ситуацию. Обладать инстинктом власти. А он состоит, между прочим, и в том, что в нужные моменты надо не только выходить на авансцену истории, но и незаметно уходить с нее. И если он не соглашался на народное представительство, то следовало хотя бы создать нормальный, более эффективный аппарат управления империей. Но и на это он оказался не способен. Создалась ситуация, когда общественность выбивала у него какие-то уступки. Парадоксально, но некоторые наши «исследователи» отождествляют уступки с реформами, а «эффективность» царствования Николая II замеряют количеством таких «реформ» (это все равно, что уровень демократии оценивать по количеству политических партий). Политические уступки – это не необходимые обществу реформы, это нечто противоположное. Бессистемные уступки, в отличие от реформ, лишь расшатывают систему. Будучи, как правило, половинчатыми, такие псевдореформы не приносят желаемого результата, а в результате еще более раздражают общественность. Ситуация усугублялась тем, что при Николае II министры получили возможность коллективно протестовать против некоторых его решений. И Император этому ничего не мог противопоставить. Возникла тупиковая ситуация, управление империей в значительной степени было потеряно. И здесь вина Императора совершенно очевидна. Он фактически окружил себя камарильей вместо того, чтобы создать какой-то аппарат вроде Администрации Президента, прошу прощения. Этого не было сделано... Ответственность Николая II за революцию была чрезвычайно велика, от этого никуда не денешься. Если система претендует на Самодержавие, Самодержец несет ответственность за все. А Николай II до последнего момента хотел оставаться Самодержавным Императором, но не мог.

О.Г. Буховец: Анализ хода и исхода революций, определение их роли и значения для той или иной страны и мира в целом – несравненно более сложны, нежели изучение периодов «вялотекущего» исторического развития. И это понятно. Прежде всего, в первом случае намного ведь шире сам набор

признаков, характеризующих ту или иную революционную эпоху, причем некоторые из них *только для нее* и являются *атрибутивными.*

Во-вторых, именно применительно к революциям наблюдается *самая большая дистанция* между толкованием и оценками в науке и обществе исторических событий, явлений и процессов. В частности, идеологически нормативная в СССР апология антикапиталистических революций была совершенно неприемлема для западного политического и научного истеблишмента, который прогрессивную общественно-политическую роль признавал *лишь за революциями буржуазными.* При этом особое место отводилось Великой французской революции, как положившей начало новой эпохе в европейской и мировой истории.

Базовое для марксизма-ленинизма положение о революциях как «локомотивах истории» в полной мере, без каких-либо оговорок, относилось исключительно к Великой Октябрьской социалистической революции. После уничтожения в стране и в ВКП (б) оппозиции в 1930-е гг. «Великий Октябрь», в сталинской его версии, канонизируется и становится по существу этаким эталоном революции как «локомотива истории».

Однако «ревальвация» Великого Октября лишь в известной мере «девальвировала» другие революции. В частности, ограничив всемирно-историческое значение Великой французской революции тем, что она «буржуазная» и даже переименовав ее в просто «Французскую буржуазную», советские идеологические инстанции и повиновавшаяся им официальная историография дальше все-таки не пошли. Напротив, в идеологической, учебной и научной литературе отдавалось должное ее великим деятелям, подчеркивалось, что, как и другие революционеры, большевики вдохновлялись борьбой якобинских вождей – М. Робеспьера, Ж.-П. Марата, Л.А. Сен-Жюста, имена которых носили улицы советских городов и в честь которых некоторые родители даже называли своих детей.

Безусловно положительно, несмотря на идейно-ограничительный термин «буржуазно-демократические», оценивались в СССР российские революции

1905–1907 гг. и Февральская 1917 г. Ведь при всей критике (исключительно жесткой) деятельности в период обеих революций небольшевистских партий и организаций, и та и другая, тем не менее, рассматривались как революции – *предтечи Великого Октября*. И данная схема выдерживалась, с незначительными изменениями, более чем полвека.

Падение советской власти обернулось утратой революциями «закрепленного» за ними в советскую эпоху статуса «локомотивов истории». Маятник восприятия их обществом, социально-гуманитарными науками и образованием пошел в противоположном направлении. Безусловно преобладающим в отношении к революциям становится, если использовать язык юриспруденции, сугубо «обвинительный уклон». Политики, общественные деятели, ученые, публицисты, литераторы уже предложили и продолжают предлагать различные варианты «обвинительных заключений» в адрес революций, прежде всего – Октябрьской (причем количество таковых к 2017 г. явно возрастет, в связи с приближающимся 100-летием Октября). Апофеозом принципиального, совершенно недифференцированного обличительства революций можно считать солженицынскую максиму из «Архипелага ГУЛАГ»: «Я понял ложь всех революций».

В связи с вышесказанным, у меня как у исследователя имеется ряд «но». Первое. Если перефразировать язвительное замечание Г.В. Плеханова в полемике с Н.К. Михайловским то, так сказать, «оценщики» революций как бы «вменяют» историческому процессу то, как он должен идти, чтобы заслужить их одобрение. Что ни говори, но как ни раздавай направо и налево оценки тем или иным революциям, они – *уже состоявшиеся* варианты исторического развития, причем оставившие после себя великое множество разноплановых документов и материалов.

Второе. А правильно ли заменять советскую нормативно-идеологическую апологетику революций постсоветским «изобличающим ревизионизмом»? Ведь, при всей их оценочной разнонаправленности, та и другая парадигмы весьма близки *методологически*, ибо и для одной, и для другой характерна

редукционистская доминанта. Последняя проявляется в том, что в обоих случаях при обращении к эмпирическому материалу по той или иной революции доминирует установка на то, чтобы не столько *видеть* и систематизировать конкретные данные, характеризующие их, сколько «узнавать», распознавать в *эмпирически данном теоретически ожидаемое.* И, следовательно, оставлять, в последнем случае, за пределами исследовательского внимания все то, что *не является теоретически ожидаемым.*

Третье. Вот почему эвристически самым плодотворным мыслится переход от «революции оценок» революций к многомерному, по-научному бесстрастному анализу *с открытым сознанием* всех отражающих их историю источников. В частности, как историк революции 1905–1907 гг., считаю эвристически очень перспективной научную обработку порожденного данной революцией гигантского комплекса источников по общественному сознанию различных социально-сословных и профессиональных групп населения Российской империи – петиций, приговоров сельских и волостных сходов, наказов депутатам I и II Государственных Дум, резолюций собраний и съездов, жалоб...

Четвертое. Как долго продлится у нас период идеологически мотивированного «обличительства» революций как варианта общественного развития? Думая над ответом на этот вопрос, я вдруг вспомнил как, находясь в 1999 г. в Париже, стал свидетелем празднования очередной годовщины Великой французской революции. Как известно, он отмечается 14 июля, в День взятия Бастилии. Так вот меня прежде всего несказанно удивило, что в названии этого «красного дня» французского календаря отсутствует упоминание как о самой Бастилии, так и о том, что это годовщина именно Великой французской революции. Он просто называется “La Fete Nationale” («Национальный праздник»)... Причем бросилось в глаза, что все праздничные мероприятия этого дня не несут какую-либо определенно выраженную идейную нагрузку, то есть он подается как *инклюзивный для всей нации.*

Отталкиваясь от данного примера, можно прогнозировать, что если в дальнейшем будет происходить постепенная деидеологизация восприятия российских революций, то со временем их годовщины и юбилеи будут проходить в более идейно-нейтральном ключе, нежели это наблюдается ныне. А, в свою очередь, историография революций, избавляясь от избыточных идеологических коннотаций, будет направляться в сугубо аналитическое русло.

А.И. Колганов: Я – как экономист по профессии – буду смотреть на процессы Первой русской революции немного под другим углом зрения. Безусловно, то обособление большей части российского общества, его элиты, которое имело место на протяжении и XIX в., и начала XX в., сыграло очень большую роль в революционных процессах – и в том, как эти процессы в конечном итоге завершились.

Но меня интересует несколько иной вопрос в данном случае: а почему такое обособление сложилось? Почему народ и власть жили в разных мирах? И почему эти миры столкнулись? Они ведь долго жили в этих разных мирах – и как-то, в общем, сосуществовали. А вот тут вот произошла сшибка... В чем причина? Почему выход из кризиса общества оказался открыт только через революцию?

Если мы вспомним известное ленинское определение «революционной ситуации», то оно нам рисует картину того, что в этой ситуации происходит, но не объясняет, почему эта ситуация возникла. И понятно, что ответить на этот вопрос без анализа политических и социальных процессов невозможно. Но и политический, и социальный анализ будут неполны без исследования социально-экономических предпосылок того, как эти самые социальные и политические отношения сложились.

Что можно сказать об экономической динамике, предшествующей Первой русской революции? Через примерно два десятилетия после «Крестьянской реформы» Россия демонстрирует заметный рост промышленности. Конец XIX в. ознаменовался очень высокими темпами железнодорожного строительства. Россия в этот момент становится одним из

крупнейших экспортеров зерна на мировом рынке. Ну и в том, что касается военной промышленности: Россия принимает участие в известной гонке строительства броненосцев. То есть предстает на мировой арене как довольно крупная, сильная держава – в том числе и экономически сильная.

Но на все эти *pro* были и свои *contra*. Темпы железнодорожного строительства, которые первоначально были весьма впечатляющими, постепенно затухают. Что касается роста производительности труда, то он не давал возможности в обозримой перспективе надеяться догнать крупнейшие европейские державы. Он был довольно высоким, и по темпам роста производительности труда мы многие европейские державы обгоняли, но крупнейшие из них и наиболее динамичные – Соединенные Штаты и Германия – имели более высокие темпы роста производительности труда и более высокие темпы промышленного роста, чем Россия. То есть догнать эти страны нам «не светило» даже в отдаленной перспективе.

Очень высока была импортозависимость российского производства. Мы зависели от ввоза машин и оборудования примерно на две трети (кстати, сейчас мы зависим еще больше, чем во времена Российской империи). И мы зависели не только по машинам и оборудованию. У нас была зависимость по химикатам, по сырью, причем по самому простому: кожевенное, хлопок, шелк... Хотя мы все это производили сами, но недостаточно. И наиболее качественное сырье приходилось ввозить.

Рост промышленности в значительной степени опирался на две такие подпорки, как казенное производство и иностранный капитал. В современных отраслях промышленности более половины активов контролировалось иностранцами. Была довольно велика финансовая зависимость Российской империи. Хотя иногда эту проблему чрезмерно раздувают, но зависимость таки была. Нельзя сказать, что это была полная кабала у иностранцев и т.д., но все-таки мы в финансовом отношении зависели от зарубежных стран.

Архаичная структура сельского хозяйства и однобокая, монокультурная специализация, ориентированная на экспорт пшеницы на мировой рынок,

препятствовали созданию надежной аграрной базы для промышленного роста, препятствовали модернизации сельского хозяйства. Вот таковы были экономические предпосылки. Естественно, они определяли и соответствующую социальную динамику.

Надо сказать, что Россия в этот период переживала довольно заметную ломку социальной структуры. Происходил дрейф населения из села в город. Этот процесс был очень далек от завершения. Значительная часть пролетариата, она от крестьянских корней отчасти оторвалась, хотя и не полностью, но в потомственный рабочий класс еще не превратилась. То есть, с социологической точки зрения, это были маргинальные слои.

Аналогично можно взглянуть на процесс постепенного разложения общинного крестьянства. Он зашел не так далеко, как об этом говорили большевистские теоретики. Ленин в работе «Развитие капитализма в России» несколько преувеличил дифференциацию крестьянства, не совсем корректно используя статистические группировки. Но, тем не менее, процесс этот происходил. Происходила ломка крестьянской общины, выделение из нее других слоев, в первую очередь, небольшой группы, ориентированной на интенсивное товарное производство, и группы, пролетаризирующейся и люмпенизирующейся. Крестьянский мир постоянно начинал распадаться. Да и большинство общинных крестьян уже испытывали колебания по отношение к тому, как им быть со своей общиной: то ли за нее держаться, как за некую гарантию, то ли, наоборот, от нее освободиться.

Все эти предпосылки сдерживали совершенствование социально-экономической системы Российской империи, мешали ей. И проблема заключалась в том, в какой степени эти проблемы осознавались властью и обществом. И общество, и власть эти проблемы осознавали, но по-своему. Однако, если для общества эти проблемы стали к началу XX в. крайне болезненными, то власть эти проблемы воспринимала в большей мере не как таковые, а, скорее, в оболочке тех претензий, которые предъявляло власти общество, как некий болезненный раздражитель снизу. И, заняв по отношению

к этим раздражителям консервативно-охранительную позицию, власть это сделала в условиях, когда требовались как раз конкретные ответы, как на крайне серьезные вызовы эпохи. Ответ оказался неадекватен проблемам. Проблемы надо было решать, а власть занималась тем, что пыталась стабилизировать ситуацию по-своему.

И надо сказать, что, конечно, совершенно не правы те, кто видит в Русско-японской войне основной катализатор революции. Тут скорее наоборот. Ведь не секрет, что эту «маленькую победоносную войну» предпринимали как раз для того, чтобы сдержать революционные настроения в обществе в том числе. Потому что брожение началось не в 1905 и не в 1904 гг., а рост аграрных беспорядков, как тогда выражались, отмечается уже с 1902 г. До того было более-менее спокойно, а вот тут крестьяне начали волноваться. До этого они, что называется, терпимо относились к тем условиям, в которые их поставила «Крестьянская реформа». А вот тут уже «приперло».

И точно так же мы видим активизацию рабочего движения в городах, потому что рабочий вопрос оказался не разрешен в том виде, в каком он мог удовлетворить рабочую массу. Отсюда все эти претензии к власти и отсюда это шествие знаменитое к Зимнему дворцу, на которое власть не пожелала реагировать каким бы то ни было иным образом, кроме как выставив войска. Хотя пытались достучаться до представителей власти и говорить, что так вообще-то не надо бы, что из этого может выйти большая гадость. Но власть решила действовать по шаблону, и получилось то, что получилось.

Надо сказать, что и Первая мировая, и Русско-японская войны явились индикаторами того, в какой степени власть не способна отвечать на вызовы времени, потому что, когда говорили, что вот империя сгнила и развалилась, то это неверно – она не сгнила. Надо сказать, что ее экономические основы, хотя и были недостаточно эффективными с точки зрения того времени, но тем не менее были достаточно прочными. И Русско-японскую войну, и Первую мировую экономика России, в общем, пережила без глубоких потрясений, но

при этом имеющийся запас прочности власть не сумела использовать для того, чтобы договориться с обществом, чтобы найти компромисс, чтобы найти решение тех проблем, которые назрели.

И именно отсюда протекал революционный вызов, отсюда протекало взаимное озлобление власти и общества, ожесточение, вылившиеся во взаимное насилие, и насилие Первой русской революции оказалось прологом к насилию, которое потом последовало в гражданской войне, потому что уже в первую революцию был испробованный террор с обеих сторон, причем террор неорганизованный. С одной стороны, это, скажем так, эсеровский анархистский террор, с другой – черносотенный террор, с третьей – начались различного рода чрезвычайные мероприятия власти, типа применения военно-полевых судов с ускоренной процедурой. Это мы потом видели в широких масштабах в другие эпохи, но начало было положено именно там: оттуда пошел вот этот импульс применения нелегитимного насилия в формально легитимной оболочке.

Все это, вот это вот нежелание договориться, нежелание найти ответ на вызов, нежелание найти компромисс интересов и привело к тому, что иного выхода, кроме силового, из этой ситуации не осталось.

Ф.А. Селезнев: Андрей Иванович, вы сказали, что власть не смогла договориться, не хотела договариваться. А с кем было договариваться? И хотела ли та, другая сторона договариваться? Ведь мы знаем, что несколько раз предложения делались и со стороны С.Ю. Витте, и со стороны П.А. Столыпина к тем же кадетам, к либералам, войти в правительство – те отказывались. То есть власть как раз готова была к компромиссу, а вот общество – нет. Мне кажется, об этом говорит исторический опыт.

А.И. Колганов: Я бы не сказал, что власть была готова к компромиссу, хотя попытки нащупать компромисс со стороны власти предпринимались, правда, эти попытки начали предприниматься только тогда, когда ситуация очень сильно зашаталась, до этого их не было.

Но проблема, вы правы, обоюдная, потому что со стороны общества стремление к компромиссу тоже не вырабатывалось. Озлобление было

действительно взаимным, и со стороны общества, снизу это озлобление тоже присутствовало. И стремление решать все проблемы революционным путем – это была такая идея фикс у участников революционного движения: не идти на компромиссы с властью, а решать вопросы наиболее радикальным образом. Это был вопрос взаимного недоверия. Власть не хотела доверять тем решениям, которые идут снизу из общества. И хотя она могла пытаться нащупать компромисс, но в этих поисках компромисса очень часто ставились такие барьеры, на которые, в общем-то, сложно было согласиться. А, с другой стороны, и общество не доверяло власти, не видело в ней, так сказать, договороспособную сторону, и делало ставку на то, чтобы эту власть вообще убрать и решать все проблемы самим. Да, такая ситуация была. И именно возникновение такой ситуации как раз и приводит к революционным процессам, иначе бы мы видели реформы.

Д.И. Люкшин: Андрей Иванович, вы знаете, в своих исследованиях я сталкивался с такими цифрами и показателями, которые позволяли сделать вывод, что на самом деле российская экономика, российское хозяйство накануне Февральской революции 1917 г. и даже накануне Октябрьской революции 1917 г. вовсе не находились в глубочайшем кризисе. Вместе с тем, в литературе принято по-прежнему считать, что они находились буквально на грани умирания. Вы сейчас сказали, что российская экономика пережила войну без особых потрясений. Не могли бы вы помочь мне разрешить мою апорию – так она все-таки умирала или не умирала?

А.И. Колганов: Если отвечать на этот вопрос достаточно честно, то российская экономика, в общем, справилась с Первой мировой войной. В общем. Но в этой экономике были слабые места при этом. Одно слабое место – производство современных вооружений. Вот здесь, несмотря на все усилия, и несмотря на определенные результаты, которые были достигнуты, которых я не отрицаю, все-таки сравняться и с союзниками, и с противниками нам не удалось.

И вторая проблема. Российская экономика все-таки попала в тяжелую ситуацию, но это был скорее кризис управления, причем затронувший не всю экономику, а только некоторые ее части. И в первую очередь это был кризис железнодорожных перевозок. Вот здесь действительно – нашла коса на камень, и, начиная где-то с 1916 г., железнодорожные перевозки начинают разлаживаться. И если военные перевозки еще худо-бедно удавалось обеспечивать, то вот со снабжением городов – именно из-за ослабления железнодорожных перевозок и ухудшения ситуации с ремонтом подвижного состава и локомотивов – дело обстояло плохо. И эта проблема послужила одним из спусковых крючков для Февраля – неспособность власти решить проблему нормальной организации железнодорожных перевозок, функционирования железнодорожной системы, снабжения городов. Потому что можно проследить буквально по статистике, как ухудшается городское снабжение. Нельзя говорить, что там вообще есть было нечего. Нет, до этого дело не дошло. Но с каждым днем становилось все хуже и хуже, перебоев все больше и больше. Если еще с хлебом было туда-сюда, то, скажем, снабжение городов молоком рухнуло полностью. И это даже уже не железных дорог касается, потому что молоком пригородные хозяйства снабжали города. Из Сибири же не везли молоко в Питер, понимаете. Но, тем не менее, и эта проблема оказалась вне поля зрения власти. То есть этот кризис управления, связанный с продовольственным снабжением, оказался ахиллесовой пятой экономической системы Российской империи.

В.П. Булдаков: Андрей Иванович, у меня вот какой вопрос. То, о чем вы сказали, с этим спорить не приходится. Но как вообще оценивать состояние экономики? По статистическим показателям, которые поставляют определенные ведомства? Или как-то системно оценивать? Вы верно сказали, что железнодорожное хозяйство к определенному времени рухнуло в полном смысле слова, это все действительно было так (хотя есть авторы, которые это отрицают). Не уместно ли говорить об одних валовых показателях, к которым мы привыкли в советское время? Не правильнее ли будет ставить вопрос о

гибкости экономики? Была ли она достаточно гибкой, для того чтобы двигаться вперед, несмотря на социокультурные препятствия, могла ли она адекватно реагировать на какие-то очень серьезные испытания? Вот в этом проблема, как мне кажется. Лично для меня вопроса нет. Допустим, уже в 1915 г., через 10 лет, в экстремальных условиях войны, стало совершенно ясно, что российская экономика, особенно финансы, с ситуацией не справляются. Кое-что удалось исправить в 1916 г., но этого было явно недостаточно. А какова ситуация была к 1905 г., что об этом можно сказать? Можно ли говорить о том, что экономика, хозяйственное положение в целом действительно оказали решающее воздействие на ход событий 1905 г.?

А.И. Колганов: Я думаю, что как раз уровень функционирования экономики к 1905 г. прямого воздействия на революционные события не оказывал. Экономика в общем работала стабильно. Но в этой экономике происходили процессы, которые создавали определенные напряжения, и это в первую очередь напряжение не столько экономическое, сколько социальное.

Напряжение связано с положением тех лиц, тех социальных слоев, социально-профессиональных групп, которые в этой экономике заняты. Вот между ними начались значительные трения, значительные расхождения интересов, которые не учитывались в должной мере властью. Вот в этом смысле экономика «сработала» в 1905 г. Не в том смысле, что экономика работала плохо. Как раз по валовым показателям все было более или менее ничего. А вот с точки зрения экономических интересов, согласования экономических интересов тех групп, которые в экономике заняты, дело обстояло плохо. Эти интересы ущемлялись. И это можно проследить, скажем, и через (отчасти и косвенно) статистику потребления – и крестьянства, и рабочего класса.

Если, скажем, анализировать рабочие бюджеты, то в принципе, с точки зрения снабжения продовольствием, рабочие не голодали, его было достаточно. А вот за жилье им приходилось платить довольно существенную долю своего бюджета, что лишало их возможности нести расходы на какие-то социально-

культурные цели. И их это угнетало, их угнетал вот такой статус человека, который фактически только поел, поспал, одеться есть во что, и все. Пошел на работу, поел, выспался, снова пошел на работу, поел, выспался, вот все, вся жизнь. И это их угнетало, естественно. Тем более что для части рабочего класса, особенно для людей многосемейных, у которых только один кормилец в семье, ситуация со снабжением предметами первой необходимости была тяжелой. Они, что называется, перебивались с хлеба на квас, – и такие группы пролетариата были. Но даже квалифицированных рабочих, которые зарабатывали достаточно прилично, такая ситуация угнетала.

То же самое можно сказать и о крестьянстве, которое испытывало периодически нехватки продовольственные, и у которых денежные доходы были вообще мизерными, – и, соответственно, какие-то нужды за пределами снабжения продовольствием и предметами самой первой необходимости у них тоже не удовлетворялись. Понятно, что притом крестьянство к этому периоду уже довольно сильно было связано с городской жизнью через отходничество, у них пример другого образа жизни уже был перед глазами, – и, соответственно, их социальные претензии постепенно росли. Вот в этом смысле, да, экономика, система экономических отношений, которая сложилась, создавала напряжение.

В.П. Булдаков: В дополнение к своему вопросу. Если поставить вопрос вот так: а, может быть, решающее влияние имело не столько объективное состояние экономики, сколько субъективное общественное представление об этом? Почему не учитывать влияния на те или иные события общественного воображения? Если общество считает, что чего-то никак не должно быть, то это многое значит. А если общественность убеждена, что нечто непременно должно быть, что тогда?

А.И. Колганов: Да. Надо сказать, что социально-психологическая составляющая революции – это вопрос один из наиболее интересных и наименее изученных, потому что все эти объективные процессы играют роль в общественной жизни не сами по себе, а через восприятие людей. И это восприятие надо обязательно изучать, чтобы понимать, почему человек

действует так, а не иначе. Это очень интересный вопрос. Я с вами совершенно согласен, просто у меня, как говорится, в кармане ответов готовых на это нет.

В.П. Булдаков: По этому поводу я могу только сказать, что всякая самодержавно-патерналистская система «избыточно» эмоциональна, она заведомо ожидает большего, чем может дать власть. И этот фактор, на мой взгляд, в 1905 г. сыграл колоссальную роль. А то, о чем вы говорили, это совершенно справедливо, это действительно так.

А.И. Колганов: Я думаю, что этот фактор сыграл роль у нас и в конце 1980-х – начале 1990-х гг. тоже.

В.П. Булдаков: Безусловно. История, как говорится, рифмуется.

А.И. Колганов: У нас тоже в какой-то мере система была патерналистской, и такое же было отношение к ней.

В.П. Булдаков: Советская система была патерналистской в большей степени, нежели ей предшествовавшая. И это не могло не сказаться.

П.П. Марченя: У меня не вопрос, а реплика – и даже, скорее, не по поводу того, что говорил А.И. Колганов, а по поводу вопроса, который озвучил Ф.А. Селезнев. Вот этот важный вопрос: «А с кем должна была договариваться власть?»... А разве в это самое «Кровавое воскресенье» (когда оно еще не стало кровавым) народ не вышел подтвердить уже существовавший – тогда еще неотмененный – договор между народом и властью? Вышел с тоской по «своей» власти, с надеждой на то, что эта власть способна его слышать, что она будет разговаривать с народом на его языке... Эта вера была расстреляна, и эта тоска по своей власти сменилась жаждой погибели такой – ненастоящей, «чужой» власти. Вот в этом, наверное, и заключается главный символ той смуты, о которой мы сегодня говорим. А договариваться-то было с кем, вот только власть действительно – не договаривалась... Речь идет не о каких-то кулуарных договоренностях между царем и той или иной партией, Кабинетом министров или какой-нибудь другой элитарной группой. Речь – о древнем архетипическом договоре своей власти и своего народа. Вот этот договор – был расстрелян.

Д.И. Люкшин: Если мы посмотрим на сценарий традиционного крестьянского беспорядка, то он выглядит достаточно просто, поскольку на волостном уровне администрации имперской не было, на уездном уровне она была очень слабая. У крестьян был единственный способ привлечь внимание власти к себе – это устроить беспорядок, то есть что-нибудь сжечь, кому-нибудь морду набить. Тогда приезжали урядники, жандармы... – начинался, собственно, диалог. Диалог начинался, естественно, с порки, ну а потом уже как-то все это переходило более-менее в позитивное, нормальное русло.

Здесь, на мой взгляд, – если мы говорим о «Кровавом воскресении» и подчеркиваем роль Гапона, – здесь была попытка не со стороны власти, а со стороны, прежде всего, вот этой вот новой оппозиции сменить форму диалога – то есть навязать другую форму диалога. Власть откликнулась в традиционном деревенско-имперском стиле, она увидела, да, она услышала, она их заботливо постреляла... Ну слишком много, конечно, постреляли, но так уж получилось.

То, что люди, отвечавшие за контроль над этой демонстрацией, то же самое московское полицейское отделение, московские жандармы не озаботились тем, чтобы прекратить шествие на дальних подступах и не выпускать эту толпу к Зимнему дворцу, – это вопрос об их профессионализме и о том, что любая революция – это прежде всего дворцовый переворот. То есть кто-то хотел, чтобы эти люди там оказались, кто-то хотел, чтобы царь так нехорошо поступил.

Но в данной ситуации как раз, на мой взгляд, смысловое значение революции – это не столько расстрел веры в царя, сколько очевидное свидетельство того, что народ и власть пытаются разговаривать на разных языках. И заметьте, «гапоновское» шествие – это не совсем народ. Это представители так называемых «зубатовских профсоюзов», агентом которых являлся Гапон... То есть одна ветвь власти не договорилась с другой, в результате подставили людей. По большому счету, так.

С.Ю. Разин: Дмитрий Иванович, а представители «зубатовских профсоюзов» не могут быть народом?

Д.И. Люкшин: Ну, если с этой позиции подходить, то как мы будем делить народ и власть? Она же у нас вся – народ. У нас и президент на выборах голосует – и ничего, он тоже народ.

А.И. Колганов: Единственное, что я здесь хочу сказать, что та толпа, которая шла к Зимнему дворцу, она совсем не сплошь состояла из представителей «зубатовских профсоюзов». Совсем не сплошь.

Д.И. Люкшин: А на это я позволю себе спросить: когда мамаша волочет своего шестимесячного ребенка на сомнительного рода манифестацию, она, интересно, о чем думает?

В.В. Кондрашин: О своем ребенке она думает! О чем же еще? Потому они и шли с хоругвями, с портретами царя...

С.С Ипполитов. Андрей Иванович [Колганов], очень интересно было послушать о тех экономических предпосылках, о той ситуации, которые были накануне и в период Первой русской революции. У меня вопрос несколько иного плана: сама Первая русская революция оказала какое-то влияние на последующий экономической климат России? Ведь не секрет, что в это неполное десятилетие до Первой мировой войны экономический бум в стране был. Были активные иностранные инвестиции в страну. Можно вспомнить об американских инвестициях, например, в перерабатывающую отрасль Сибири, о китайских и японских инвестициях на Дальнем Востоке. И ведь неспроста 1913 г. всегда был эталонным для советских экономистов, которые сравнивали свои достижения именно с этим годом. Ведь к этому году Россия шла эту неполную десятилетку, достаточно активно развиваясь. И инвестиции российского бизнеса в экономику зарубежных стран также в этот период были весьма и весьма заметны. У меня вопрос: что это было? Власть создала какой-то дополнительный комфортный климат для такого развития? Была ли это реакция власти на события Первой русской революции? Или здесь сработали какие-то иные причины?

А.И. Колганов: С моей точки зрения, в экономическом подъеме, который происходил в 1909–1913 гг., нет ничего экстраординарного. Это был обычный

циклический подъем для российской экономики, такой же, какие наблюдались и до этого. Я совсем не собираюсь отрицать тех успехов в промышленном развитии, которые тогда были достигнуты. И определенные меры предпринимались для стимулирования экономического развития – так же, как они принимались до того. Я не думаю, что Первая русская революция в этом отношении что-то серьезно изменила (пожалуй, за исключением того, что произошло некоторое расширение внутреннего рынка за счет повышения уровня заработной платы рабочих, что оказало определенный стимулирующий эффект на экономический рост, – но я и этот фактор не склонен сильно переоценивать).

В то же самое время каких-то существенных подвижек в той конструкции экономической системы, которая сложилась, ни в промышленности, ни в сельском хозяйстве не произошло. И недаром 1914-й, последовавший за 1913-м, ознаменовался резким ростом стачечного движения. И в Питере впервые за его историю появились баррикады. В революцию 1905 г. в Питере баррикад не было, а в 1914 г. они появились.

И.И. Глебова: Я бы хотела говорить собственно о Первой революции, причем в самом общем смысле. Очевидно, и даже наше сегодняшнее обсуждение не отменяет того факта, что это забытая революция. В 2014 г. отмечали столетие начала Первой мировой войны и говорили, что в России эту войну не помнят. Вот так же не помнят и революцию 1905–1907 гг.

Мне кажется, что природа этого «забывания» – не только в невнимании общества к теме революции, к истории революции. У нее какое-то неопределенное, зыбкое место в нашей истории. Ну, начнем с того, что утверждается: она закончилась поражением. Это была революция, потерпевшая поражение. И ее единственное историческое значение в том, что она предвестник и «генеральная репетиция» Октября 1917-го. То есть это революция второстепенного, проходного, вспомогательного характера. И, видимо, поэтому она как-то отодвинута на периферию исторической памяти.

Если говорить прямо, мы по-прежнему находимся в плену советского понимания этой революции. Он уже был воспроизведен в ходе нашей дискуссии: пореформенная Россия находилась в системном кризисе и его результатом стал 1905 г.; революция была буржуазно-демократической; самодержавию, сочетая карательную политику с ограниченными реформами, удалось выправить ситуацию в свою пользу, правда, ненадолго; революцию убили репрессии, не дав ей выполнить ее историческую миссию; реформы, которые оказались связаны с революцией, не вывели Россию из кризиса; и война прикончила больной организм Империи.

Я думаю, этот взгляд нуждается, как минимум, в коррекции. Во-первых, эту революцию следует рассматривать в контексте «большой исторической волны». С 60-х гг. XIX в. Россия находилась в стадии социальной, экономической, правовой, мировоззренческой, психологической – всяческой – перестройки. И это был сам по себе очень тяжелый процесс. А 1905 г. открыл серию политических революций начала века. И, пожалуй, главное для меня в этой революции то, что она была событием нового типа, новой эпохи. До 1905 г. все революции в России были «революциями сверху»: одни совершала власть, другие были дворцовыми переворотами, то есть верхушечными заговорами против персонификаторов власти. И первые, и последние ограничивались дворцом. Снизу время от времени поднимались (более или менее ограниченные, реже массовые) повстанческо-погромные волны, то есть те или иные варианты пугачевщины. И прямой связи между этими верхушечными революциями и массовыми низовыми движениями не было. В 1905 г. случилась первая действительно народная революция в нашей истории. Она охватила все классы и слои населения: и дворец, и город, и крестьянскую Россию, и армию. Революция, безусловно, была ответом на все «нестроения» русской жизни, указывала на ее важнейшие дефициты. У нее было множество причин и сложная природа. События 1905 г. показали: в России нарождается новое общество – массовое, более свободное, более открытое. Социуму этого

типа уже не «хватало» дворцовой революции – и характер революции изменился.

Первая революция – это безусловно сложное, многосоставное явление. Если не рассматривать его в общем, а разложить очень условно на составляющие... Ну, по крайней мере, о нескольких можно сказать, очень кратко. Впервые в русской истории важную роль играли массовые городские протестные движения. Не дворец и не деревня, а город стал источником революции. И это свидетельствовало о том, что страна стремительно урбанизировалась, становилась городской цивилизацией. Причем массовое общество прежде всего строилось в столицах. Не случайно все началось со столичного (петербургского) восстания масс, а завершило 1905 г. городское восстание в Москве.

Принципиально важно понимание «Кровавого воскресенья», о котором сегодня уже говорили, – того, как стала возможна эта трагедия. Ведь ее никто не хотел, не ожидал, не программировал. Ни рабочие и их семьи, ни царь, ни бюрократия, ни полиция. Все гораздо проще и страшнее. И те, кто шел к Зимнему, и те, кто был призван охранять порядок и защищать статус-кво, не знали, как следует себя вести в рамках мирного социального протеста. Иными словами: как цивилизованно противостоять власти и как цивилизованно ее защищать. Трагедия произошла от испуга, недоверия, непонимания друг друга. Все это тема массового политического процесса и протеста в мегаполисе XX в. Согласимся: и по сей день нормативный ответ не найден. В том числе и у нас.

Что касается деревни, то 1905 г. по своим политическим последствиям равен пугачевщине. Как и тогда, в конце XVIII в., «верхи» испугались и в некоторой степени одумались. Результатом стала аграрная реформа, перевернувшая крестьянскую Россию.

Что еще? Никогда, кроме как в 1905 и в 1917 гг., в России армия не была инструментом революции, – всегда инструментом власти, что – естественно. Армия – по существу квинтэссенция любой системы, но русской в особенности. И вот она в 1905 г. впервые перешагнула пределы дворцовой политики. Армия

не присоединилась к городскому движению, но показала, что может решить исход революции. Один из уроков 1905 г.: армия – теперь уже не гвардия, а по преимуществу вооруженная крестьянская масса – способна стать политическим фактором.

Кроме того, мне, как и многим другим, кажется важной сцепка – революция и неудачная война. Собственно, 1905 г. впервые уже в новом мире, в новом обществе выявил эту связь. И здесь дело не в ухудшении экономической ситуации, не только в обострении социальных проблем. Главное, что обусловливало острую социальную реакцию на военные неудачи. – это милитарный характер русской социальности. У нас и власть имеет милитарную природу, и воспринимается она сквозь призму милитарной успешности. То есть властные успехи меряются военной, а не социальной меркой. Поэтому неудачная война становится источником массовой неуверенности. Она проецируется «наверх», и власть «отвечает» за эту несостоятельность. Поэтому неизбежным следствием военных неуспехов/поражений становится десакрализация власти и кризис легитимности в том или ином варианте, в тех или иных формах.

Что же касается итогов и значения революции, безусловно, она ускорила процессы самоопределения различных социальных сил и их дифференциации. Но все же двигателем революции, как мне представляется, было общество начала XX в. – политическое, гражданское, гражданственное. И определяющим в той революции был не конфликт власти и народа, а противостояние власти/бюрократии/системы и общества. Можно сказать: революция произошла потому, что значительная часть общества почувствовала себя готовой ее совершить. Это была долгожданная революция, в отличие, скажем, от того, что произошло в 1917 г. Ее готовили едва ли не весь XIX в. Хотя, как казалось отечественным и зарубежным наблюдателям, Европа бурлила, а в России ничего не происходило. 1905 г. стал промежуточным (увы!) финалом вековой тяжбы самодержавия и общества.

Здесь я готова подискутировать с некоторыми исследователями, которые выступали до меня. Мне представляется, что это была «лучшая» из революций, которую Россия могла тогда получить (если вообще революции могут быть «лучшими»). Она закончилась компромиссом между властью и обществом: Успех, прежде всего, заключался в том, что власть и общество не уничтожили друг друга и не взорвали народ – и в этом смысле не начали общенациональную Смуту.

Традиционно одной из причин революций считается кризис верхов. Конечно, кризис самодержавия в 1905 г. был – и именно в ленинской интерпретации: верхи уже не могли управлять по-старому. В 1861 г. Россия перестала быть крепостной; к 1905 г. стало понятно, что она не может уже быть самодержавно-бюрократической. Но этот кризис власти не привел к разрушению системы. И революцию добила не репрессия, а реформа.

Конечно, лучше реформироваться загодя, чем ждать вот такого взрыва. Да, власть в России пошла на преобразования и уступки только под сильнейшим напором проблем, под сильнейшим давлением снизу. Историческая русская власть долго понимала исключительно язык насилия. Тому есть разные причины. Но в 1905 г. власть пошла по пути самоограничения и «договорилась» с обществом. Точнее, до этого власть шла исключительно по пути самоограничения, чтобы не договариваться с обществом. А в 1905 г. договор был заключен – во многом потому, что русское общество набрало необходимую мощь для того, чтобы власть его заметила и сочла договороспособным.

Как мне представляются, главные итоги Первой революции – в том, что власть и общество договорились между собой о совершенствовании социального устройства, о приемлемой политической реформе. Договор был основан на взаимном самоограничении; в рамках этого договора страна, в общем, успешно развивалась. В 1917 г. договор был сломан. Во многом потому, что общество ошибочно сочло себя проигравшим в 1905 г. И вот это ощущение проигрыша сработало в 1917-м.

Я думаю, Первая революция – самая важная для России, причем не в историческом, а в актуальном смысле. Она показала, как следует разрешать революционные кризисы, развязывать, а не разрубать узлы социальных проблем. Если настраиваться на созидание, необходимо иметь в виду уроки именно 1905 г.

П.П. Марченя: У меня три небольших вопроса. Было начато с того, что это была «революция, потерпевшая поражение». У меня вопрос ко всем коллегам: – а с точки зрения формальной логики и здравого смысла – можно ли говорить, что бывают революции, которые потерпели поражение? Если «революция» буквально – это «переворот», то он либо произошел, либо не произошел. Если он произошел, значит революция «потерпела» победу, а не поражение. Если революция «потерпела поражение», если переворот не произошел, то и не было значит никакой революции. Поэтому, на мой взгляд, «революция, потерпевшая поражение», – это в лучшем случае оксюморон. Это первое. Но, опять же, это вопрос к дискуссии.

Другое маленькое вопросительное замечание. Прозвучало, что впервые городские массовые беспорядки стали значимыми. Мне кажется, что этот феномен известен с тех пор, как появились города, и в том числе и в истории России. А что, «Соляной бунт», или «Медный бунт», – они в деревне что ли происходили? Это второй вопрос.

И последний, третий – даже не вопрос, а тоже скорее реплика. Мне кажется, «ошиблось общество» в 1917 г. или нет, – если мы говорим не о Феврале, а об Октябре, – это вопрос скорее цивилизационной идентичности, чем констатация «факта». Спасибо.

И.И. Глебова: Начну со второго вопроса. Если «Соляной бунт» и «Кровавое воскресенье» – это события одного и того же порядка, если и там и там один и тот же город, одни и те же люди, одни и те же проблемы, то значит нет истории – все неизменно, неподвижно и т.п. Я думаю, это не так. Впервые в своей истории Россия столкнулась с массовыми городскими протестными

движениями современного типа (таким, кстати, было и «Кровавое воскресенье»). Это обусловило своеобразие и новизну революции.

Что касается первого вопроса. Бунт и политическая революция, заговор и революция социальная – это не одно и то же. События 1905–1907 гг. чрезвычайно сложны. Их не свести только к народному бунту или политическому перевороту (чьим-то деньгам, какому-то заговору). Хотя и в политическом отношении все изменилось: самодержавие встало на тот путь, который завершался конституционной монархией (вполне современным устройством власти для того времени). Власть и общество, выйдя из революции, повели Россию в современность. При этом считали революцию проигранной, неудачной для себя. Именно потому, что она закончилась компромиссом, потому что каждой стороне пришлось идти на ограничения. Власть перестала быть единственным субъектом политики; политическое пространство разделило с ней общество. Это была большая победа, свидетельствовавшая об их зрелости, социальной ответственности. Но и власть, и общество полагали эту победу неудачей.

А вот 1917 г. – их общий безусловный, исторический проигрыш, полное поражение. Их – власти и общества, формировавшихся в России столетиями, – попросту не стало. Они разрушили ту социально-политическую диспозицию, в рамках которой имели шанс сохраниться и направлять развитие страны. Ликвидация же (в революции, Гражданской войне, в 1920–1930-е гг.) европеизированного культурного меньшинства, действительно, привела к изменению «цивилизационной идентичности».

С.Ю. Разин: Я тоже себе позволю две реплики. Было сказано, что центром революции был город, и что в городе происходили все главные события. Крестьянство отодвигается, таким образом, на второй план. А что тогда происходило в деревне? А кто составлял значительную часть населения русских городов и значительную часть русского пролетариата? Чья ментальность преобладала?

Теперь о революции состоявшейся, удавшейся или неудавшейся. На мой взгляд, ближе к истине те, кто, как В.П. Данилов, говорят о том, что революция в России началась до 1905 г., и что закончилась она не в 1907 и не в 1917 г., а где-то приблизительно к концу 1930-х гг. Эту же позицию разделяет и Т. Шанин, дух которого тоже здесь незримо присутствует.

И.И. Глебова: Я не знаю про духов ничего, но вот с этим вполне согласна: социальный, культурный, ментальный, экономический, какой угодно переворот происходил в стране с 1860-х по конец 1920-х гг. Его вектор – эмансипация, освобождение. Революция 1905–1907 гг. вписана в этот процесс. Кто-то сказал: революция удачна, если она закончилась парламентом. Та революция закончилась парламентом – в этом смысле она удачна.

Что же касается того, обидела ли я крестьян... Да, это большинство населения страны, но революция, тем не менее, решилась в городе. И решило ее в основном образованное, сознательное (в смысле сознательного участия в политике, жизни страны) меньшинство, элиты, если угодно. Но революция закончилась реформами, важнейшей из которых была реформа аграрная. Вот она, оценка роли крестьянства в жизни страны. Государственная Россия «поняла»: без преобразования деревни не создать современную страну. А насчет того, что в городах – тоже крестьяне... Наверное, уже «не вполне» крестьяне – было в них что-то, что отличало их от деревенских жителей. «Воздух города» все-таки меняет человека. Хотя традиционная основа остается – и в России она, конечно, очень сильна.

Б.Х. Алимов: Городские крестьяне – это, действительно, как конные матросы...

Я бы хотел солидаризироваться с И.И. Глебовой в оценке итогов революции, которые следовало подводить непосредственно после ее окончания. Незамутненный дальней перспективой взгляд не дает вкладывать и перекладывать произвольные апостериорные смыслы в локальные исторические сюжеты. Если же смотреть на 1905-й, скажем, из 1908-го, то сохраняется ясное представление о целях революции как единого социально-

политического проекта. В этом случае картина будет выглядеть приблизительно так: о том, что это только «Первая» русская революция, тогда никто не знал, а о том, что она потерпела поражение, рассуждали только большевики и – иногда – эсеры. Для всего остального политического сообщества это был если и не триумф, то, уж во всяком случае, победа: был положен исторический предел самодержавию, смазанное кровью борцов и тиранов колесо прогресса провернулось в нужном направлении. Оставалось только двигаться по пути просвещения. Вопрос стоял лишь о том, насколько энергично страна может пойти по «столбовой дороге развития цивилизации», то есть готов ли народ сразу и целиком принять «великий дар свободы», или потребуется некоторое время для того, чтобы его переварить.

Население так называемых «национальных окраин», по мнению большинства участников политического процесса, не было еще готово. По мысли социал-демократов, такая сегрегация была оскорбительна для отсталых элит недоразвитых народов, что позволяло, в перспективе, мобилизовать их для свержения правительства под лозунгом права наций на самоопределение, который не только оказался лживым, но и изначально задумывался как жульнический трюк.

Впрочем, тема революции для центрально азиатских протекторатов России, которые в начале XX в. модно было презрительно именовать колониями, действительно была не актуальна. Не то, чтобы здесь все было хорошо, просто социальный формат Бухарского ханства, Коканда и т.д. не соответствовал политическому проекту столичных либералов. Местные элиты предпочитали сотрудничать с Санкт-Петербургом в привычном патримониальном формате, а отсутствие политической организации населения или оппозиционных аристократических группировок было причиной того, что лозунги революции и требования партий не затрагивали непосредственно интересы центральноазиатского населения.

Хотя, можно, наверное, сказать, что исторические судьбы Центральной Азии во многом оказались определены исходом политических баталий на

берегах Невы, тогда они ощущалось как отзвуки далекой грозы. Политический проект возник – точнее, смог возникнуть – в Таджикистане только после его образования.

А.В. Казаков: Добрый вечер еще раз, уважаемые коллеги! Известно, что история – это застывшие политические события. И обсуждая какие-то исторические события, о которых мы говорим сегодня, обсуждая ту обстановку, которая была в то или иное время, предшествовавшее значительным переменам в стране, ту экономическую и политическую обстановку, мы так или иначе невольно создаем условия для того, чтобы перебросить мостик к делам дней нынешних. Чтобы, анализируя ту или иную политическую ситуацию, принимая те или иные политические решения и высказывая те или иные политические позиции, мы могли чаще, глубже и внимательнее учитывать события, которые перекликаются с современной историей. И наше сегодняшнее собрание в связи с этим очень важное. Я хочу вам сказать, что мы говорили на эту тему с С.М. Мироновым, и он не просто сказал, что внимательно изучит стенограмму нашего заседания: мы планируем выработать целый ряд идей, которые могли бы быть взяты нашей партией для того, чтобы их продвигать в дальнейшем. Я думаю, что есть идеи, у которых нет партийной окраски, их поддержат и другие партии, во всяком случае, по вопросам государственного суверенитета и информационно-идеологической безопасности нашего государства.

Поэтому сегодняшняя работа с пристальным анализом экономических и политических событий, того ландшафта, который складывается под влиянием внешних угроз, очень для нас с вами важна. Поэтому хочу сказать еще раз огромное спасибо, что мы все вместе здесь собрались. И разнополярность мнений, и совпадение мнений, в любом случае, – это платформа для того, чтобы выработать конструкцию работы на будущее. А когда в стране сложный период, как раз самое время обращаться (вообще всегда, а в сложный период особенно) к лучшим умам нашей страны, к людям, которые обеспокоены этой проблематикой. Спасибо большое за возможность вместе с вами работать.

Н.В. Макаров: Тематика моего выступления будет связана с освещением в англо-американской историографии российского либерализма в период Первой русской революции – вплоть до образования либеральных партий.

На этом собрании уже неоднократно звучало, что у разных историков (в том числе здесь упоминалась имя Т. Шанина – известного английского специалиста) есть разные интерпретации хронологических рамок революционного процесса в России. Шанин, как известно, относит окончание революции уже к 1920–1930 гг., как и известный американский исследователь Р. Пайпс. Есть и такие ученые, как М. Малиа, раздвигающие хронологию революции вплоть до 1991 г. Правда, Малиа при этом делает оговорку, что основной всплеск революции в России приходится на период с 1917 по 1939 г. Об этом идет речь в недавно изданной в России книге Малиа «Локомотивы истории: Революции и становление современного мира».

Надо отметить, что тематика российского либерализма достаточно давно и плодотворно изучается англо-американскими историками, да и историками многих других стран, пишущими на английском языке (допустим, из Израиля, Норвегии, Канады, Германии, некоторых других стран). И многие из них даже отводят российскому либерализму ведущую роль в революционном процессе, во всяком случае, в событиях конца 1904 – начала 1905 гг. И нередко Русскую революцию (допустим, как в трудах А.Б. Улама, известного американского исследователя), отсчитывают от «Банкетной кампании» конца 1904 г. или предшествовавшего этому событию Земского съезда 6–9 ноября 1904 г. При этом внимание исследователей акцентируется на том, что, собственно, застрельщиками революционного процесса в России была либеральная интеллигенция, и лишь позже к революционным событиям присоединяются крестьянские и рабочие массы.

Некоторые историки, как уже было отмечено, завершают революцию событиями 1991 г. С другой стороны, есть и те, которые ставят верхнюю хронологическую границу революционного процесса на декабрьском вооруженном восстании 1905 г. (наподобие, например, современного

английского исследователя О. Файджеса). А дальше, по их мнению, идет уже период «думской монархии», который несколько несправедливо, на мой взгляд, отделяется от событий 1905 г.

Как бы то ни было, 1905 г. стал поворотным пунктом для российского либерализма. Хотя бы взять тот факт, что русские либералы наконец восприняли современные формы политической организации: и от земско-городских съездов, протопартийных организаций наподобие «Союза освобождения» постепенно все-таки дрейфуют в направлении политических партий современного типа: Конституционно-демократическая партия, как известно, была образована одной из первых на учредительном съезде 12–18 октября, вслед за ней – некоторые малые партии русского либерализма, такие как Умеренно-прогрессивная, Прогрессивно-экономическая, Торгово-промышленная, а затем – «Союз 17 октября», учредительный съезд которого прошел уже в феврале 1906 г.

Собственно, что касается англо-американской историографии... Интерес западных ученых к русскому либерализму проявился достаточно давно, причем у истоков научного изучения русского либерализма на Западе стояли не столько профессиональные историки, сколько современники событий, связанные с журналистикой, люди, бывавшие в России и испытавшие интерес к ней, такие как, допустим, Б. Пэйрс, знаковая фигура в английском россиеведении, лично знакомый со многими либеральными деятелями, с лидерами либеральных партий, вхожий в думские круги и т.д.

Процесс развития англо-американской исторической науки о русском либерализме, на наш взгляд, имел четыре основных этапа: от начала XX столетия до конца Второй мировой войны; 1940–1960-е гг. (время практически безраздельного господства так называемой теории тоталитаризма с такими ее известными представителями как Х. Арендт, З. Бжезинский); с середины 1960-х до начала 1990-х гг. (этот этап, до распада Советского Союза, был связан с достаточно интересной борьбой внутри западной историографии, с ревизионизмом, с выделением либерального направления); последний период,

связанный с представителями так называемой «новой истории» с ее культурологическим, междисциплинарным, лингвистическим уклоном.

Вклад представителей различных этих направлений можно оценивать по-разному. Наиболее плодотворен был, пожалуй, третий этап – 1960–1990-х гг. – который был ознаменован борьбой между сторонниками традиционного, либерального и так называемого ревизионистского подходов. Если представители первого говорили, например, об общенациональном характере требований кадетской партии, ее достаточно широкой опоре в российском обществе, то ревизионисты в целом считали, что программа кадетов была программой демократической интеллигенции и близких ей социальных групп. И так же они считали, что нельзя делать акцент на каком-то излишнем радикализме этой программы, как писали их визави по научному цеху. К ревизионистам можно отнести и работы таких более современных историков как Т. Эммонс, Р. Маннинг, Р. Уэйд, О. Файджес. С другой стороны, писалось достаточно много о консервативном крыле российского либерализма в работах вышеупомянутых Т. Эммонса, Р. Маннинг, Э. Эшера, Д. Тредголда, Т. Оуэна, У. Глисона и др. По-разному, опять же, оценивалась идеология, программа, тактика «Союза 17 октября», но в целом англо-американские историки были склонны подчеркивать либерально-консервативный характер его программы, ее сложносоставность. Как вот Эммонс писал о «Союзе 17 октября» как «разношерстной компании», о сложном составе его социальной опоры, лояльности политическому режиму, противостоянии революции, стремлении к утверждению конституционной монархии и национализма – как столпах» программы октябристов.

В.В. Бабашкин: Очень уместно В.П. Булдаков напомнил ленинскую фразу о том, что год 1861-й породил год 1905-й. Однако не могу не согласиться и с А.И. Колгановым: все началось раньше – в 1902-м. Именно так ставит вопрос крестьяноведение как теория и история аграрно-крестьянских обществ. Вот буквально на днях в издательстве «Политическая энциклопедия» вышла такая книга: «Современное крестьяноведение и аграрная история России в XX

веке» [показывает присутствующим издание – *прим. ред.*]. Это стенограммы заседаний теоретического семинара «Современные концепции аграрного развития», который был организован выдающимся нашим историком-аграрником В.П. Даниловым и известным английским специалистом по российской/советской/постсоветской истории XX в. Т. Шаниным. Материалы регулярно с 1992 по 1999 гг. публиковал журнал «Отечественная история». Приблизительно в эти же годы под руководством этих же ученых осуществлялся грандиозный исследовательский проект «Крестьянская революция в России, 1902–1922 гг.».

В марте 2011 г. Институт экономики РАН проводил конференцию, посвященную 150-летию отмены крепостного права. Я выступал там с докладом «Год 1861-й как провозвестник Русской революции XX века». При подготовке материалов конференции к изданию у редактора, видимо, сработал какой-то рефлекс, и мой текст без всякой правки по сути изложенного (тут претензий никаких) был опубликован под названием «Год 1861-й как провозвестник крестьянских революций начала XX века». Возникает вопрос, который в наших сегодняшних дебатах просто висит в воздухе: сколько же в России было революций в XX в.? Мне как вузовскому преподавателю истории регулярно приходится проверять у первокурсников то, что наши чиновники от образования именуют «остаточными знаниями». Я это, в частности, делаю при помощи вопроса о хронологии Русской революции. В ответ неизменно получаю вопрос: а какой революции – Первой или 1917-го? И это чем-то напоминает диалог Воланда с буфетчиком о том, которой свежести была осетрина. Мне кажется, то же и с революцией: бывает только первая – она же и последняя.

Что же тогда началось, в марте-апреле 1902 г., когда крестьяне двух украинных губерний Империи – Полтавской и Харьковской – готовились к главной страде сельскохозяйственного года, к посевной? Накануне, в 1901 г., был голод. Администрация и помещики (часто бывшие) продемонстрировали неготовность или нежелание помогать – и тем самым поставили себя вне закона. Речь, конечно, идет не о кодифицированном законодательстве, а об

обычном праве, о том, что в современном западном крестьяноведении (“Peasant Studies”) называется «моральной экономикой». Поэтому на сельских сходах в масштабах двух губерний крестьяне вопрос решали однозначно: распахивать и засевать и свои, и «не свои» земли. Велика ли беда, что последние по каким-то там бумагам принадлежат не им, а бог знает кому? Законы моральной экономики просты и незамысловаты: мы кормим вас в обычные годы, но в голодный год вы уж извольте нас как-то подстраховать – зерном, деньгами или еще как-то. Так было всегда. Это справедливо. А если не так, вступает в силу знаменитая крестьянская максима: земля – тех, кто ее обрабатывает. Или, что одно и то же: земля – Божья.

Освобождение 1861-го было, с этой точки зрения, с точки зрения огромного большинства общинного крестьянства, величайшей нелепостью и несправедливостью. Чеховский Фирс из «Вишневого сада» недаром называл его «несчастьем»: Чехов – летописец, он фиксировал то, что наблюдал. В какой-то мере это была дань тогдашним глобализаторам: хотите понравиться Западу – вводите товарно-денежные отношения, ибо это – символ прогресса, так говорит А. Смит... В какой-то мере это было стремление изыскать радикальное средство для пополнения государственного бюджета за счет большинства населения страны после катастрофического поражения в Крымской войне. Я сейчас не буду называть какие-то другие факторы реформы полуторавековой давности. Ну, свершилось и свершилось. Тут я исповедую чисто гегельянский подход: все действительное разумно. Но не могу не сказать о том, что в современной историографии уже появились исследования, которые принципиально иначе, по сравнению с вульгарным марксизмом (он же – научный коммунизм), ставят вопрос о том, в каком смысле 1861-й породил 1905-й. Ленин считал, что в 1905 г. в России началось что-то вроде буржуазно-демократической революции, так как реформы 1860-х не доделали дело буржуазной (тем более, с поправкой на контрреформы 1880-х). И советская историческая литература была в общем и целом с этим согласна. Теоретический антикоммунизм, который использовали (и

продолжают использовать) наши коллеги на Западе для осмысления загадок русской истории, исходит, в отличие от Фирса, из того, что 1861-й был великим благом, и 1905-й был скорее порожден контрреформами. Следует отметить, что наши современные либеральные мыслители придерживаются того же мнения.

Говоря о принципиально ином взгляде на эти вещи, не могу не вспомнить интереснейший доклад исследователя из Петербурга В.Т. Рязанова на упомянутой конференции в ИЭ РАН. В нем обосновывались огромные потенциальные возможности того общественно-экономического устройства, сложившегося в России веками, которое и было подвергнуто в 1860-е гг. реформированию без должного понимания реформаторами этих возможностей. Вот с этим я совершенно согласен. Разработчики крестьянской реформы не желали брать во внимание то глубочайшее моральное возмущение крестьян-общинников, которое с неизбежностью должна была вызвать сама постановка вопроса о купле-продаже земли, о включении ее в рыночный оборот, не говоря уже о тех условиях, что навязывались крестьянам в качестве выкупной операции. Следовало также предположить, что крестьяне не кинутся очертя голову использовать новые рыночные возможности в поземельных отношениях на благо повышения эффективности своих хозяйств, но попытаются всеми средствами (что называется, «не мытьем, так катаньем») сохранить прежнюю логику взаимоотношений – как между собой, так и с крупными земельными собственниками. Я понимаю, сколь разнообразна была тогда сельская община в России по регионам, однако по общему правилу так оно и вышло.

Напряженность в отношениях «крестьяне – власть», «крестьяне – помещики» нарастала на протяжении всего пореформенного периода. Помещики нового поколения стремительно выходили из вековой системы взаимных моральных обязательств с крестьянами, власти взирали на это сквозь пальцы. Демография, характерная для крестьянского общества, за этот период сократила душевой надел в среднем по стране практически вдвое. Пружина грядущей крестьянской революции сжалась до предела к началу XX в., и ситуация с выступлениями полтавских и харьковских крестьян стала пусковым

механизмом. Дальше все развивалось по принципу цепной реакции, сельские общества стали брать близлежащие земли самозахватом практически повсеместно. Это и есть движущая сила и главное внутреннее содержание Русской революции XX в. У П.А. Столыпина хватило толку отменить выкупные платежи, резко сужавшие внутренний рынок. Но это уже погоды не сделало. Революция продолжалась – и в 1907-м, и в 1917-м, и в 1921-м и далее.

В.П. Данилов связывал ее окончание с принятием в декабре 1922 г. Земельного кодекса РСФСР. И он резонно полагал, что практически все значимые события политической истории России в течение этих двух десятилетий необходимо рассматривать в тесной причинно-следственной связи с этим вот перманентным революционным процессом в деревне, который развивался по своим правилам и законам. Мне представляется, что есть большой резон связывать окончание этой революции с принятием в 1935 г. Примерного устава сельхозартели, то есть включить в ряд закономерных революционных событий и период коллективизации сельского хозяйства в СССР. Но спор на эту тему выходит далеко за рамки нашей сегодняшней дискуссии. Поэтому напомню только, что крестьяне в годы коллективизации остроумно расшифровывали ВКП (б) как «Второе крепостное право». А ведь крестьянская революция по определению (которое дает все то же крестьяноведение) консервативна, направлена на возврат к старым порядкам в пику тем, что несет с собой монетаризация всего и вся.

В.А. Демин: У меня, во-первых, реплика, во-вторых, вопрос. Было сказано, что П.А. Столыпин отменил выкупные платежи. Разумеется, Столыпин этого сделать не мог, потому что платежи были отменены в ноябре 1905 г., когда Столыпин служил саратовским губернатором и издание законов от него не зависело.

Теперь, что касается вопроса. Владимир Валентинович [Бабашкин] в начале своего выступлении сказал, что революция может быть только одна. Второй, третьей революции – быть не может. И никаких ограничений он при этом не установил. Соответственно, вопрос: если эту теорию применить к

истории Франции, тогда что получится, что там была беспрерывная революция восемьдесят лет? Или что-то другое?

В.В. Бабашкин: Реплика принимается. Я, конечно, допустил определенную неточность с отменой Столыпиным выкупного платежа. Точнее было бы сказать, что эта отмена состоялась в рамках столыпинского аграрного законодательства и в соответствии с его духом и буквой.

Говоря о революционных событиях во Франции, я, к стыду своему, должен признать, что плохо знаю историю этой славной страны. Но если предположить, что какой-нибудь специалист по французской социально-политической истории усмотрит на протяжении исторического периода между Днем Бастилии и Парижской Коммуной некое единство главного революционного содержания вроде того, о котором я сейчас говорил применительно к истории Русской революции, то почему бы и не восемьдесят лет..?

Я вам больше скажу. Вот в эту книгу по материалам семинара «Современные концепции аграрного развития» вошел реферат монографии О. Вебера «Из мужиков во французы» и стенограмма его обсуждения. Так вот, автор монографии обосновывает – и весьма остроумно – тот взгляд, что настоящая революция во Франции состоялась в течение 45 лет: с 1870 по 1914 гг. И смыслом, главным содержанием ее, было волшебное превращение Франции из конгломерата мужицких провинций, в которых жители соседних деревень могли с трудом понимать язык друг друга, в единую нацию, в гражданское общество. И это была революция сверху, поскольку верховное правительство, грамотно уловив эту тенденцию французов к единению в масштабах страны, повело грамотную и энергичную политику в этом направлении. Если к тем восемьдесяти добавить еще и эти сорок пять, то впору открывать дискуссию о разнице понятий «революция» и «эволюция».

А если кроме шуток, я думаю, революция в стране западноевропейской цивилизации и революция в России – разные вещи. Был в университете Филадельфии блестящий аналитик бурных социально-политических событий в

России на протяжении XX в. М. Левин. На семинаре «Современные концепции аграрного развития» двадцать лет назад обсуждалась его книга 1966 г. «Русские крестьяне и Советская власть», которую без преувеличения можно назвать классикой жанра. Выступление Левина на том семинаре вошло вот в эту книгу, «Современное крестьяноведение...», к которой я сегодня все время привлекаю внимание. Он тогда высказал революционную, можно сказать, мысль об излишнем увлечении историков и в России, и на Западе большевистской революцией 1917 г. В результате в историографии возникло явление «разрыва эпох», что и придало большевистскому перевороту флер революции: мол, до октября 1917 г. это была одна страна, после – совсем другая. Поэтому Левин и его единомышленники в США призывали и призывают к «смыканию периодов», то есть к переносу акцента в исследованиях России с того, что прервалось и что началось в 1917 г., на то, что продолжалось.

В.П. Булдаков: Вы знаете, у меня очень простой вопрос. Всем известно, что такое аграрное перенаселение, какую роль оно сыграло. Вы привели цифры относительно количества десятин на душу населения и т.д. Вопрос вот в чем. Нельзя ли было разрядить эту самую ситуацию с учетом продолжающегося демографического бума за счет переселений? Переселения, как известно, начались не во времена Столыпина, а гораздо раньше. Но не прикидывали ли вы, какова должна была бы быть интенсивность этого переселенческого дела, чтобы обезопасить центр России? И вообще, не должна ли самодержавная власть всегда работать на упреждение возможных событий?

В.В. Бабашкин: Переселение, действительно, началось задолго до Столыпина и к началу XX в. обозначилось как тенденция правительственной политики. Столыпин в рамках своей логики аграрного реформирования попытался придать этому делу новый импульс. Результаты историки оценивают по-разному. Лично я больше склоняюсь к тому, что это был провал, как, собственно, и вся аграрная реформа той поры. Столыпинская политика многие вещи, существовавшие в реальности как тенденции, довела до абсурда (а до абсурда русская бюрократическая машина может довести все что угодно).

Переселение в основном осуществлялось в Сибирь. Сибиряки схватились за голову от такого наплыва новоселов. В Сибири общинные институты крестьянства работали слабо, потому что земли было много. Но как только появилось в одночасье столько новых претендентов на землю, старожилы так и вцепились в эти свои общинные права. Обычное право не было регламентировано какими-то юридическими установлениями, но начинало работать как мощный фактор сельской жизни, когда в этом, по мнению крестьян, возникала необходимость. Масштабы возвращения столыпинских переселенцев в родные места в значительной мере определялись тем, как негостеприимно встретили новоселов в Сибири.

А вообще это вопрос огромный. В реальности существовало множество разных факторов, аспектов, нюансов. Например, такой фактор, как очень сильное ощущение «малой родины». Очень тяжело подняться и уехать куда-то. Наверное, когда-то в пассионарные времена, когда наши далекие предки завоевывали просторы Урала, Сибири, это было делать легче. А может, и нет. Бог его знает. В Центральной России аграрное перенаселение как явление нарастало во второй половине XIX в. как бы по экспоненте. Оно увеличилось вдвое буквально в пореформенный период. Крестьянская семья – это четыре–пять и более ребятишек.

Ваш вопрос, он упирается в методологию что ли... Была ли возможность организовать политику переселения крестьян более грамотно и продуманно? Не знаю. Я исхожу из того, что было так, как было. Потому что вот эта увлеченность альтернативными какими-то подходами, мне кажется, она себя не оправдывает.

В.П. Булдаков: В данном случае вопрос не об альтернативе, лично я разговоры об альтернативах не приветствую. Вопрос в том, могла ли вообще, способна ли была в принципе существующая к 1905 г. власть упредить совершенно очевидные тенденции, если не переломить ход событий, то хотя бы сгладить его?

В.В. Бабашкин: Давайте посмотрим вот на какой аспект этой огромной проблемы. А были ли у власти соответствующие материальные возможности для организации такого огромного дела (я уже не говорю о каких-то традиционных моральных обязательствах властей перед крестьянами или о наличии у государства научно обоснованной программы осуществления этой политики) – чисто материальные возможности? Даже если абстрагироваться от коррупции как имманентного свойства российского чиновничества... Вот здесь присутствуют экономисты, они более квалифицированно ответят на вопрос, что собой представлял российский государственный долг к началу столыпинского переселения или, тем более, к 1917 г. И что собой представляла, допустим, стоимость в миллиардах рублей тех земель, которые крестьяне к тому времени, к маю-июню 1917 г. взяли, и уже никакой силой забрать у них было нельзя. Это тоже очень важный момент, из которого, в частности, следует, что особых альтернатив-то реально осуществившейся политике ни в 1907-м, ни в 1917 гг. и не было.

Добавлю «крамольную» мысль: сегодня историки очень мало занимаются изучением того, как это было сделано в период сталинской коллективизации, в 1930-е гг. Точнее, пишут о раскулачивании и спецпереселенцах много, но как-то односторонне, с точки зрения жестокости и якобы неоправданности этой политики. Наверное, приходит время взглянуть на все это и в том плане, как осваивались необжитые просторы огромной страны, какой материальный и организационный ресурс государства был при этом задействован и т.д.

В.В. Кондрашин: Прежде всего, я хотел бы от имени Комитета по науке, образованию и культуре Совета Федерации Федерального Собрания России поприветствовать участников этого очень важного круглого стола. Я очень благодарен также депутатам Государственной Думы, в частности, Алексею Валерьевичу [Казакову] за организацию этого круглого стола, потому что все-таки мы здесь собрались для того, чтобы говорить больше и о современности, о тех уроках, которые нам дает наша история, особенно история XX в.

И далее я не могу не вспомнить о духах, о которых здесь говорили, о духе Т. Шанина. Сегодня я, по согласованию с Комитетом по науке, образованию и культуре Совета Федерации, отправил поздравительное письмо Шанину в Московскую высшую школу социально-экономических наук, потому что он – замечательный ученый. И если речь идет о нашем «круглом столе», то, по-моему, надо обязательно вспомнить его чудесную, я считаю, книгу, посвященную как раз в большинстве своем Первой русской революции, – «Революция как момент истины». И вот в ближайшем номере «Крестьяноведения» выйдет моя большая статья о Шанине, где очень подробно охарактеризован весь его творческий путь. Это мой друг, коллега. Я сейчас с ним активно общаюсь и планирую в ближайшее время написать о нем и об американской историографии, в частности, вот о М. Левине, о котором здесь говорили, моем, я считаю, учителе. Я три года работал его ассистентом. И это, прежде всего, и, конечно, В.П. Данилов, который внес огромный вклад в изучение этих всех проблем. И вообще мне кажется, что сегодня мы должны вспомнить о тех наших учителях, которые действительно посвятили всю свою жизнь изучению Первой русской революции. И, кстати, некоторые из них и сейчас здравствуют. И здесь и С.В. Тютюкин, и А.П. Корелин, и др.

Далее перейду уже по сути к проблеме. Прежде всего, хотелось бы сказать, что «Первая русская революция» имеет право так называться хотя бы потому, что ее так называли современники. И, вообще, я сторонник того, чтобы очень активно использовать принцип историзма: если событие таким, скажем так, было, и его таким образом зафиксировали наши предки, может быть, стоит его так и называть.

Дальше. Я участвовал очень активно в конференциях, которые были посвящены 100-летию Первой русской революции, был на одной из них в Италии, которую в Пизанском университете организовал мой коллега и друг Э. Чинелло. И эта конференция была посвящена именно Первой русской революции. И вот мне больше всего понравилось на этой конференции, как итальянцы (это были в основном итальянцы) оценили значение этой

революции. Это были прекрасные слова, когда Дж. Лампер сказала, что это была революция в защиту человеческого достоинства. Это была революция, которая положила начало борьбы за демократию в Европе. По сути дела, современная демократическая Европа, она вот такой стала во многом благодаря тому, что толчок развитию демократии, борьбе за демократию был дан этой нашей русской революцией. Она имела огромное значение – и в этом смысле она была позитивом, и в Европе ее оценивают позитивно по сравнению, например, с тем, что у нас было позднее в 1917 г.

Теперь следующий момент насчет альтернативы. В.П. Данилов в свое время об этом писал, если серьезно говорить, была ли альтернатива... Она была! Она была в продолжении и доведении до логичного конца Великих буржуазных реформ Александра II. И вот та программа, если ее так можно назвать, которую предлагали Александру II его реформаторы: это министр внутренних дел М.Т. Лорис-Меликов, это министр финансов Н.Х. Бунге... Это и реформы Госсовета, это и, по сути, уже начало будущей столыпинской реформы, еще до этого самого аграрного перенаселения и т.д. И вы помните, как был убит царь-реформатор. Он убит был, везя, в общем-то, на заседание Госсовета как раз вот этот так называемый проект Конституции. И в этом смысле это была трагедия России. Вот когда мы говорим здесь о роли Николая II, то, конечно, если бы был жив Александр II, не было бы Александра III, не было бы этих контрреформ наверняка, а была бы совсем другая у нас история, и не было бы у нас революций 1905 г., 1917 г.

Далее следующий момент... Это почему так сложилось, что 1905 г. был таким? Надо, наверное, здесь помнить о том, что все-таки после отмены крепостного права магистральным развитием России была рыночно-индустриальная (хоть это слово, может быть, не очень здесь нравится уважаемым коллегам, но, тем не менее, я считаю, его можно использовать), именно рыночно-индустриальная модернизация. И вот по этому пути Россия пошла. И эта рыночно-индустриальная модернизация осуществлялась, прежде

всего, за счет внутренних ресурсов и за счет деревни. За счет деревни! Вот этот знаменитый лозунг И.А. Вышнеградского: «Не доедим, а вывезем».

И произошло превращение российского сельского хозяйства в такой источник, такую «трубу», откуда высасывали все эти ресурсы на рынок западный... И у нас сложилась совершенно дикая ситуация. Ведь раньше в России никогда не было голода в тех районах, где производили хлеб, а со второй половины XIX в. началось. И первый «царь-голод» в 1891–1892 гг. у нас был в зерновых районах, потому что оттуда высосали все, вывезли за границу. Эти железные дороги для чего строили? Чтобы по этим железным дорогам вывозить хлеб и продавать его. И поэтому, конечно, сельское хозяйство, и вот эта его коммерциализация дикая, эта несправедливость – связаны с тем, что, вы правильно сказали, помещики все с ума сошли с этой продажей, с этим экспортом. И плюс аграрное перенаселение.

Плюс, надо иметь в виду, «экономическое чудо» России. Это было настоящее экономическое чудо России – реформы С.Ю. Витте. Россия добилась выдающихся результатов. Хотя бы возьмите ту же самую КВЖД, что построили россияне или, допустим, новые промышленные районы эти огромные, которые у нас появились за каких-то там десять с лишним лет.

И Россия это все сделала с помощью Запада, более миллиарда золотых рублей влилось в российскую экономику – и российская экономика оказалась втянутой в мировой рынок. Если мы вспомним, отчего начались все проблемы, – они начались с мирового экономического кризиса, который, в общем-то, и ударил по России. И здесь об этом надо тоже помнить. И что рабочее движение у нас началось, собственно говоря, в связи с этим.

И у нас был 1903 г. Это было очень серьезно... И просто силой, по сути дела, были подавлены все эти стачки. Хотя и были сделаны некоторые уступки, рабочие просто были задавлены временно. И крестьяне... Тоже надо помнить о том, что 1905 г. – недород. Во второй томе «Экономической энциклопедии», кстати, есть моя статья «Голод в истории России», где я очень подробно

рассказываю о том, какие были у нас неурожаи в начале XX в. и, в том числе, как раз вот в этот период.

Поэтому: аграрное перенаселение плюс вот этот экономический кризис, когда многие крестьяне оказались без работы. Плюс здесь еще эта коммерциализация сельского хозяйства. Плюс эти все засухи... И самое главное, что власть на все эти проблемы реагировала не так, как нужно. Ведь что, собственно говоря, нужно было сделать? Нужно было пойти на компромисс, нужно было дать возможность здоровым силам участвовать в управлении страной, решать эти проблемы.

А здесь задавали вопрос: а с кем договариваться? Не с кем было договариваться? Это не так. Как это не с кем было договариваться? Вот правильно коллега сказал о том, что у нас было мощное либеральное движение – земское. Эти земцы пили там сколько времени на этих банкетах и писали все царю, что они хотели. И само шествие к Зимнему дворцу было тоже связано с этими петициями...

И если мы вспомним с вами «эру доверия» П.Д. Святополка-Мирского, – ведь он был нормальный, адекватный министр внутренних дел... после того, как двоих убили. И он понял, что нельзя дальше давить. И как этот самый был до него, всех высечь там и т.д. Да, В.К. Плеве: высеку всех и все, и никаких проблем.

И поэтому, собственно говоря, царь-то был и готов пойти на компромисс, который в свое время еще предлагал Лорис-Мельников, то есть создать вот это представительство земское. А какой результат? 7 декабря Манифест царя выходит об «усовершенствованиях» государственного порядка. И даже Витте и все остальные поняли, что все – «хана», потому что никакого нет компромисса.

И вот я критикую иногда наших некоторых патриотов квасных, которые с царем там носятся везде, с этими делами. Вот есть учебник – А.Ф. Киселева и Э.М. Щагина. Там, значит, такой сюжет про I и II Государственные думы, два предложения или там абзац. Про III Государственную Думу, какой был хороший П.А. Столыпин... А ведь I и II Думы предложили самый настоящий

компромисс самодержавию: выкупить землю помещичью с помощью государства и раздать ее крестьянам. Но эти Думы все разогнали, и третью создали: помещиков не трогать, значит, крестьян начать прессовать, заставлять становиться фермерами и т.д. Поэтому вот этот компромисс тоже был упущен.

Далее... Последнее, о чем я хотел бы здесь сказать... Конечно, когда мы говорим о крестьянстве, то надо иметь в виду, что это совсем не такие крестьяне, как мы привыкли думать, – ватники какие-то, как сейчас сказали бы. Которые, чтобы привлечь к себе внимание, должны были организовать какой-нибудь бунт, кого-нибудь убить там, морду набить, напиться и все остальное. Это глубочайшее заблуждение. И об этом, например, написала целую диссертацию Л.Т. Сенчакова. В.П. Данилов писал о том, что крестьянские волнения были от безысходности, когда других методов уже не было. Но когда такой метод появился у них, приговорное движение, участие крестьян в выборах в Государственные Думы, – это был шок для власти. Потому что крестьяне, казалось, которые были за царя всегда, наоборот, голосовали за своих депутатов, за своих сельских учителей, за своих священников, которые выражали их интересы. И когда I Думу разогнали, тогда во II Думу депутаты приехали с наказами – и с ними выступали. Их нельзя было уже обвинить в том, что они выступают от своего имени против правительства. Наоборот. И поэтому, конечно, огромным достижением революции было то, что народ получил огромный опыт этой политической культуры. У нас возник парламентаризм, российский парламентаризм.

Вот мы сейчас сидим в Государственной Думе только потому, что была Первая русская революция. Если бы ее не было, и она бы закончилась, как мы говорим, поражением, не было бы ничего. А у нас Дума. У нас было много чего полезного, в том числе та же реформа Столыпина. Когда мы о ней говорим, мы должны вспомнить о том, что ведь благодаря Столыпину был экономический подъем в деревне. А развитие кооперации, а государственная поддержка, а переселения все эти, которые происходили. Да, там 30-40% крестьян вернулись

обратно, но вы посмотрите, какие объемы по животноводству, по молоку там и т.д. пошли у нас.

И в этом смысле у нас было движение и развитие. И поэтому Первая русская революция вообще имела огромное значение, на самом деле. Потому что всех подготовила к дальнейшей, как говорится, деятельности – и большевиков, и власть. Единственный, кто ничего не понял в этой ситуации, был Николай II. И он всегда сожалел о том, что пошел на уступки, что его «обманул» Витте. И постоянно был готов на то, чтобы вернуться к тому, что было прежде.

И, конечно, в России, в силу особенностей ее истории, субъективная вертикаль, первое лицо имеют огромное значение. И его устранение или замена на менее эффективного и менее подготовленного приводят к катастрофическим последствиям. Вот как смерть Александра II, как тот несчастный Николай II, допустим, как М.С. Горбачев наворотил, да. И поэтому – это исторический урок – в сложное время во главе государства должен стоять настоящий политический лидер, а политические силы должны понимать, что раскачивать ситуацию, когда существуют серьезные проблемы, и когда есть желание власти решать их, не очень, скажем так, дальновидно, а с исторической точки зрения даже и глупо.

И поэтому последнее, о чем хотелось бы мне сказать, что мы забыли совершенно сегодня, что важнейшим последствием Первой русской революции был рост национального самосознания, и вот этот подъем национального движения в России, который закончился, в общем, распадом Российской империи и потом ее восстановлением уже в виде Советского Союза. И вот национальный вопрос проявился именно в годы Первой русской революции. Почему латышские стрелки защищали В.И. Ленина? Да потому, что в 1905 г. самые жестокие меры против крестьян латышских были осуществлены нашими войсками, которые вешали и убивали этих самых несчастных латышей. И потом они подросли и выросли, взяли оружие в руки и стали большевиками.

И, кроме того, было наследие у нас этих всех 1905–1907 гг. в Грузии, допустим, и в Польше, и везде. И в этом смысле, конечно, Первая русская революция имеет большое историческое значение с точки зрения понимания современных проблем, которые у нас существуют в межнациональных отношениях и в самой России, и за ее пределами.

С.Ю. Разин: У меня ко всем участникам дискуссии, есть два таких заведомо провокационных вопроса.

Вопрос первый. Хорошо известный нам всем А.И. Фурсов пишет в своих работах, что коллективизация окончательно и бесповоротно решила крестьянский вопрос в России начала XX в. И другого решения крестьянского вопроса не было и быть не могло. И в этом, так сказать, величайшая заслуга И.В. Сталина. Сегодня, кстати, у В.В. Бабашкина прозвучал такой же момент, что альтернатив у коллективизации не было. В этой связи вопрос вот какой: российское крестьянство было обречено на раскрестьянивание в ходе модернизации или нет? Это первый вопрос.

Второй вопрос по поводу российского парламента. Скажите, пожалуйста, можно ли говорить о том, что российский парламент и российская многопартийность – это явления, укорененные в социокультурной почве России?

В.В. Кондрашин: Я тогда отвечу на первый, поскольку я выступал, вопрос ко мне. Очень коротко насчет раскрестьянивания. Это было неизбежно. У меня есть даже одно выступление на всероссийском семинаре, где я такую фразу привел, что крестьянская цивилизация пала под натиском индустриальной – и это судьба всех крестьянских обществ. И в этом смысле раскрестьянивание – это универсальный процесс. Что касается конкретно коллективизации, то альтернатива могла быть только одна – если бы у нас не умер Ленин и продолжался НЭП. И во главе государства стоял бы человек, не обладавший таким недостатком, как Сталин, – избыточным терроризмом, – и более склонный к реальным оценкам ситуации. Но это мое мнение.

Что касается парламентаризма и партий, и корней демократии – это давний спор в историографии. Н.И. Костомаров приводил на этот счет много аргументов, что у нас очень много было истоков демократии. И вообще я считаю, люди, они всегда склонны к демократии, потому что они люди, а не животные, которых можно дрессировать и все остальное. Я с оптимизмом смотрю в будущее российской демократии исходя из исторического опыта.

Ф.А. Селезнев: Несколько слов по поводу закономерности раскрестьянивания. Если мы посмотрим на аграрный сектор до 1917 г., то мы там увидим две основных части: часть рыночную – это помещики, которые давали основной хлеб, что шел на экспорт; и часть нерыночную – это крестьянская моральная экономика. То есть эти два сектора сосуществовали. И крестьянская моральная экономика могла существовать только потому, что рядом была помещичья экономика, помещичьи хозяйства – рыночные, крупнотоварные, которые давали хлеб на экспорт, для городов, для армии. Как только землю у помещиков отняли в 1917 г., тогда стало неизбежно уничтожение крестьянства. Крестьяне, стремившие получить помещичью землю и с восторгом принявшие уничтожение помещичьего землевладения, сами себя подвели к такому финалу. По «Декрету о земле» крестьяне получили небольшую прирезку земли. Но во время коллективизации они потеряли не только эту добавку, но и ту землю, которой они пользовались при царе. По сути у крестьян отняли их землю. Мы часто говорим, как мало было земли у крестьян дореволюционной России, 2,5 десятины там, 5 десятин. Извините, 5 десятин – это около 6 гектаров. А сколько было земли у крестьян в советское время? Максимум 50 соток. Причем при Хрущеве приусадебные участки еще уменьшили. То есть крестьяне по сравнению с эпохой Николая II были обезземелены. Коллективизация, по сути, привела к восстановлению крепостного права, причем в более жестких формах, чем оно существовало при Александре I и Николае I. Коллективизация уничтожила крестьянина, превратив его в безземельного батрака. Сталин пошел на это, потому что не было товарного хлеба, нечем было кормить города, нечего было

экспортировать, не на что было делать индустриализацию. Еще раз подчеркну: коллективизация была неизбежна вследствие уничтожения рыночного помещичьего хозяйства.

Д.И. Люкшин: Прежде чем отвечать на вопросы С.Ю. Разина, мне бы хотелось внести небольшую коррективу. Вообще к 1917 г. большинство экспортного хлеба поставлялось на рынок крестьянскими хозяйствами, и помещики отступали на второй план – и далеко на второй план. И к 1917 г. компенсационное значение помещичьего хозяйства не играло той роли для ведения крестьянского хозяйства, которую оно исполняло, положим, еще в 1905 г. Возможно, это неочевидно для коллег-историков и коллег-аграрников. Но в дискурсивной формации российского крестьяноведения эти статистические данные, – в частности благодаря усилиям того же Т. Шанина и В.П. Данилова, – присутствуют.

Если же говорить о том, что происходило с русским крестьянством, то, опять же с крестьяноведческой позиции, «крестьянство» – это не вид деятельности или сословный стигмат, это определенная философия, своеобычный жизненный уклад. И в этом плане нет ни одной причины, по которой мы не можем говорить о сохранении крестьянства как группы при сокращении, естественно, численности. То есть я бы не рассматривал раскрестьянивание как фатальный результат и как закономерность. В принципе, крестьянские анклавы в значительной степени существуют и в современной Европе. И сравнивать европейского фермера, скажем, с американскими фермерами – не совсем корректно. Ну и... у нас же страна удивительная... Скажем, в той же Сибири земли много, там и по сей день можно вести крестьянское хозяйство.

Ну а что касается демократии, то русский народ известно, славится «соборностью», «софийностью»... ну и многие другие народы тоже от него в этом, скажем так, не отстают. Но вопрос о том, связана ли эта соборность с многопартийностью, на мой взгляд, остается открытым.

В.А. Демин: Я хотел бы развить мысль Ф.А. Селезнева. При ответе на первый вопрос использую сравнительный метод. В.В. Бабашкин уже говорил, что крестьяне и фермеры (вопреки тому, что написано в законе) – не одно и то же. Основное отличие, как было уже сказано Д.И. Люкшиным, в психологии: фермер стремится к получению прибыли, крестьянин добывает средства для выживания себя и своей семьи. И, как уже было сказано, крестьяне действуют в так называемой «моральной экономике», которая с рыночной не совместима. И с командно-административной – тоже. Поэтому в крестьянской стране развивать хоть рыночную, хоть командно-административную экономику можно лишь до определенного предела. В западноевропейских странах на протяжении Нового времени имело место постепенное превращение крестьян в фермеров. В России же оно долгое время было невозможно из-за сохранения крепостного права и общины. Серьезной попыткой превращения крестьян в фермеров стала столыпинская реформа. Но по ряду причин, главным образом из-за недостатка времени, она не привела к этому результату. Соответственно, это был первый возможный вариант модернизации крестьянства, превращения их в фермеров. Второй вариант осуществил товарищ Сталин. Он ликвидировал крестьянство (именно крестьянство, а не кулачество) как класс, превратив крестьян в государственных батраков. Это что касается первого вопроса.

Теперь что касается второго вопроса, который мне ближе. Я являюсь специалистом по российским законодательным палатам этого периода. На мой взгляд, в России ни парламентаризм, ни политические партии корней практически не имели и были просто заимствованы у Запада. Более того, партии и многопартийность не соответствуют политической культуре России.

Слово «партия», как известно, образовано от латинского «часть». То есть, основная идея партии – отстаивание частных интересов. Между тем, существуют исследования, согласно которым российская культура допускает отстаивание частных интересов в значительно меньшей степени, чем культура западных народов. В глазах российского народа или его основной массы те, кто отстаивает частные интересы, то есть партийные деятели, – люди

подозрительные и доверия не заслуживают. Поэтому российская многопартийность была слабой в начале XX в., и является слабой и сейчас. То же самое можно сказать о парламентаризме, который основывается на многопартийности.

И.И. Глебова: У меня – буквально две реплики, два комментария к нашему обсуждению. Прежде всего, о партийных и парламентских традициях в России. Первая революция – это эпоха рождения публичной политики, «взрывного» роста партий. И рождены они были отнюдь не властью, а обществом. К началу XX в оно имело огромный опыт социальной работы, самодеятельности, самоуправления. Оно созрело для политики, у него был вкус к политической деятельности. За его спиной были годы и годы борьбы за свое право быть в политике, участвовать в управлении страной. Определение «гражданское» подходит тому обществу гораздо больше, чем современному российскому. Поэтому мгновенно появились политики, партии, партийцы, парламентарии – уровня, вполне сопоставимого с тогдашними европейскими. В России уже был «материал» для политики, ее субъект, – в революции все это получило современные формы. До 1917 г. партии были важной частью российской жизни, а парламент в Феврале, по существу, взял власть. Все это говорит о том, что политика – естественный «способ» самовыражения российского общества, а партии и парламент имеют у нас свою историю.

Более того, я бы сказала, что это неумирающая традиция. По мере «либерализации» советского режима общество проявляло все больше склонности к политике. И ее появление в конце XX в. было столь же неслучайным, как и в начале столетия.

И второе – не о судьбах, а о выборе российского крестьянства в ходе большой социальной революции рубежа XIX–XX вв. Речь тогда шла о том, как будет адаптироваться деревня к современности, как в ней существовать. Государственная Россия предложила ей вариант: отчасти – «линия Витте-Столыпина», отчасти – община. И деревня после Первой революции стала обживать это «предложение»: частники, переселение, кооперирование и пр.

Очень непростой, затратный вариант, связанный и с перестройкой крестьянской ментальности, традиционной культуры, но он реализовывался.

В то же время крестьянскую философию в значительной степени определяло то, что М. Вебер называл «первобытно-аграрным коммунизмом». По существу, это жизнь по принципу: «взять – и все поделить». По этому пути деревня пошла после Февраля 1917-го, когда была ликвидирована дисциплинирующая государственная опека.

В.В. Кондрашин: Это очень распространенное мнение о крестьянстве и терминология такая: «первобытный» и т.д., когда на крестьянство смотрят как на какой-то отсталый класс, непросвещенный, ведомый кем-то, прежде всего, интеллигенцией.

И.И. Глебова: Совершенно не тот смысл вкладывается в этот термин. Я думаю, дело тут даже не в отсталости, а в разности социальных возможностей, задач, функций. До 1917 г. деревню «вела» государственная и общественная Россия, задавая ей «формат» существования. Но «вела», конечно, в кавычках, – крестьянство всегда сопротивлялось всякому вторжению в свою внутреннюю жизнь. И, действительно, выработало органический для себя «способ» существования – в общине. В ходе столыпинской реформы кто хотел, выделился, остальные остались. И община продемонстрировала способность эволюционировать, успешно адаптироваться к современности. Пожалуй, жестко и последовательно «командовать» крестьянством стала только советская власть.

В.В. Кондрашин: Но я просто скажу о том, о чем я хочу сказать – про крестьянство. Вот крестьяне, которые жили в России до отмены крепостного права и крестьяне, которые жили в России во второй половине XIX в., – это совершенно разные крестьяне. Почему? Школы появились, земство, городская вот эта вся жизнь их захлестнула. И поэтому в деревне уже появились такие вот образы новые, как сознательные крестьяне, которые хотели учиться, которые воспринимали все передовое. И вот мой коллега и друг (к сожалению, покойный) С.А. Есиков изучал очень подробно такую проблему, как

восприятие крестьянством всевозможных новаций. И вот вроде они такие, не хотят они общины разрушать, не хотят они воспринимать что-то новое, вот их надо всегда за уши притягивать... А в действительности они были просто очень практичными и понимали, если это шло на пользу хозяйству и им, и не требовало от них больших издержек, они были очень восприимчивы ко всему этому.

И, наконец, надо не забывать о том, что первым требованием всех крестьян России была земля. И если мы посмотрим приговоры крестьян, во II Государственную Думу например, то там на втором месте стояло у них требование бесплатного всеобщего образования. Деревня, допустим, периода НЭПа, она была совсем другой. Там был такой феномен как сельские избы-читальни. Даже если мы возьмем с вами Первую мировую войну (я вот опубликовал два больших тома на эту тему по Пензенской губернии), так вот: 1915–1916 гг. – это время небывалого интереса в деревне к литературе, возникают эти всякие избы-читальни, выписываются газеты. Огромный интерес был у крестьян к культурным достижениям, к внедрению вот этой всей новой техники. А кооперативные движения? Это уже была альтернатива, крестьянская альтернатива коллективизации, когда сознательные крестьяне объединялись и при поддержке государства покупали технику, шли на эти агрокурсы и т.д. Поэтому рассматривать все это в каком-то застывшем таком виде и рассматривать коллективизацию как какой-то неизбежный путь – это, по-моему, не совсем верно. Просто так получилось, но в 1920-е гг. существовала альтернатива сталинской коллективизации в виде вот этого кооперативного социализма, в виде тех идей, которые выдвигали правые. Другое дело, что они были не реализуемы, другое дело, что трудно было тогда победить и все остальное. Но сказать о том, что это было предопределено механически, что есть какой-то железный закон, история так работает, а люди здесь ни при чем... И вот я опять возвращаюсь к тому, о чем говорил: все-таки здесь субъективный фактор сыграл свою роль – именно победа Сталина в борьбе за власть.

Р.А. Циунчук: Нет необходимости в отказе от устоявшегося термина «Первая русская революция» / «Первая российская революция». Ведь именно так именовали ее современники. Сделаю лишь один акцент. Корректнее называть ее «российской», а не «русской», поскольку эта революция охватила страну, 57% населения которой не были русскими, но являлись подданными Российской империи.

Согласен с прозвучавшим тезисом, что революция удачна, если она заканчивается парламентом. Применительно к первому российскому парламенту, даже со всеми общеизвестными ограничениями и недостатками, особенно, в третьеиюньской версии, мы можем говорить о появлении в политической системе страны нового института, говорить о думской модели парламентаризма. Дума стала первой площадкой легального представительства и законотворчества.

Безусловно важно, что I и II Думы довольно адекватно отразили многобразие классово-политических сил, сделав участниками думского политического процесса не только представителей традиционных элит, но также весомые группы крестьян, рабочих, лиц свободных профессий. Не менее значимо для понимания Первой российской революции и первого российского парламента то, что в Думу впервые пришли и начали работать в качестве законодателей представители практически всех регионов и большинства народов и конфессий Российской империи. Очевидно, что с появлением в 1906 г. Государственной думы этноконфессиональное и региональное измерения имперских систем «власть–общество» и «центр–регионы» начали приобретать новые очертания и содержание. Хотя система выборов и была асимметричной, однако, она создавала новую этнополитическую географию власти, а Дума в 1906–1907 гг. была реальной альтернативой радикализации политической жизни. В I Думу были избраны представители 24 народов, во II Думу прошли уже депутаты от 27 народов, а общая численность нерусских депутатов приближалась к двум сотням, составляя свыше 1/3 думского депутского корпуса. Кадетский депутат и известный публицист

В.П. Обнинский, увидев разместившихся на скамьях Таврического дворца представителей разных народов и регионов, писал: «Это был вид имперского парламента автономно-конституционного государства. Здесь владели умами интересы местные, областные и национальные». В то же время Обнинский понимал, что власть сделает все, чтобы не допустить серьезных перемен и в этой сфере общественной жизни.

Практически все национальные депутаты объединились вокруг требований равноправия, свободы вероисповедания, использования национальных языков в школе, суде и в органах самоуправления. Программы фракций отличались: Польское коло выступило за восстановление прежней автономии, Украинская громада обсуждала идею областной (краевой) национально-территориальной автономии, Мусульманская фракция и Еврейская группа поддерживали лозунг культурно-национальной автономии. Кстати, надо отметить, что среди представителей думских национальных фракций не было приверженцев национал-сепаратизма, которые добивались бы выхода из состава Российской империи. В Думе формировались новые национальные политические элиты, которые, в отличие от многих деятелей национальных революционных партий, объединявшихся с общероссийскими в революционной борьбе против самодержавия, были готовы идти легальным политическим путем компромисса, как в национальном, так и в аграрном вопросах, которые очень тесно переплетались на окраинах. Согласен с коллегой В.В. Кондрашиным, что компромисс в аграрном вопросе в перводумский период был упущен, уверен, тогда же были упущены и возможности диалога с национальными политическими элитами и компромисса в национальном вопросе.

Власть не сделала реальных шагов навстречу предложениям национальных элит, напротив, в 1907 г. ответила резким сокращением думского национально-регионального представительства. В III и IV Думах оказались представители соответственно 18 и 20 народов, а общее число нерусских депутатов сократилось более чем вдвое. Политическая планка обсуждения

национального вопроса в Думе снижалась от созыва к созыву в пользу тактической установки власти на игнорирование этноконфессионального многообразия. Символами этого курса стали ограничения финляндской автономии и вычленение из состава Царства Польского новой Холмской губернии.

Заглядывая вперед, нужно признать, что национальный вопрос не был разрешен в том виде, в каком он был поставлен в Думе умеренными национальными элитами в 1906–1907 гг., а жесткая национальная политика правительства накануне и в годы Первой мировой войны, с одной стороны, ослабляла молодой российский парламентаризм, а с другой стороны, укрепляла позиции крайних политических сил: правых – консервативно-охранительных, левых – радикально-революционистских, а также национал-сепаратистских.

Об опасности этого правительственного курса еще при П.А. Столыпине в 1910 г. предупреждал П.Б. Струве, когда писал: «Как это ни звучит парадоксально – торжествующий ныне официальный национализм прокладывает путь не национально-государственному объединению, а национальному автономизму и федерализму. Он не собирает, а дробит государство...».

Очевидно, что без анализа сложных национальных вопросов невозможно адекватное понимание диалектики такого важного периода истории России и сопредельных стран, как Первая российская революция.

А.В. Репников: Коллеги, я тезисно... Во-первых, хочу сказать, что у нас уже давнее сотрудничество с Государственной Думой и, в частности, С.М. Миронов был у нас в архиве. И документы мы принимаем современных думских фракций: «Справедливой России», ЛДПР, КПРФ, «Единой России» и др. То есть архив у нас комплектующийся. И поэтому, несомненно, – и это очень важно, – что от такого, немного одностороннего, монолога мы переходим к диалогу именно на площадке «Справедливой России». Хотя диалоги были и до этого. У нас практически каждый год в Думе проходят выставки. Были выставки, посвященные Великой Отечественной и Первой мировой войнам.

Были выставки в Большом манеже в прошлом и в этом году, две выставки были в Малом манеже. Мне кажется, это уже некий новый уровень, когда просто от комплектации архива документами фракций и от выставок мы переходим к живому диалогу.

Большую роль играет то, что этот диалог проходит именно на базе партии «Справедливая Россия». Потому что многие говорят о том, что надо собирать исследователей, обсуждать прошлое, настоящее, будущее. Не всегда слова превращаются в дела, а вот коллеги сделали все реально – и за это им, конечно же, большое спасибо. Думаю, данная тема будет развиваться. Понятно, что без документов, без архивов мы далеко не пойдем, потому что в архивах можно найти ответы, наверное, на любые вопросы. У нас в РГАСПИ совсем недавно была открыта выставка, посвященная 100-летию Циммервальдской конференции. Интерес к этому событию удивил даже немцев, и коллеги из фонда Эберта сказали, что впервые могут свободно вздохнуть за долгое время, потому что, как оказалось, никто особо 100-летия Циммервальда не отмечает.

Это тоже очень интересно, потому что нам нельзя забывать и темы революции. Вот здесь называли наших уважаемых коллег: С.В. Тютюкина, А.П. Корелина и др. Это люди, которые в свое время очень много сделали для того, чтобы данные темы поднять, чтобы опубликовать большой массив документов. Но, конечно, нужно идти дальше. И здесь мы видим, что буквально вот через два года 2017 г. – 100-летие революции. И опять же, если не будет каких-то, скажем так, подвижек со стороны тех, кто непосредственно планирует программы всевозможных мероприятий на 2016 и 2017-й гг., то это будет весьма печально. Ведь именно это 100-летие может быть поводом для осмысления прошлого. Это осмысление в какой-то степени показывает и сегодняшние проблемы; помогает, отталкиваясь от прошлого, еще и будущее конструировать.

Мне показалось, что в выступлении В.П. Булдакова есть скрытая полемика с публикациями Д.Б. Павлова по теме японских денег, дававшихся на революцию. Теме, которая в последнее время стала очень модной. Но, во

всяком случае, многое в этом вопросе ясно именно потому, что целый массив документов опубликован. Тот же Павлов опубликовал. И по немецким деньгам тоже многое выходит. Конечно, революцию нельзя сделать, нажав на кнопочку или дав какой-то «сундук» (или даже «вагон») с золотом. Это, разумеется, упрощенное понимание событий, хотя в последние годы, видимо, в силу недавних «цветных» революций, именно такая трактовка революционных событий стала очень популярна в СМИ. Смотришь иногда «околодокументальные» фильмы, и там обязательно виден «внешний след»: то финны революцию сделали, то немцы, то японцы, то еще какие-то тайные организации. В принципе, мы имеем дело с очень сильной мифологизацией сознания и в отношении 1905–1907 гг., и в отношении 1917 г. Не последнюю роль здесь, конечно, играет то, что в первую очередь читатели обращаются к популярной литературе. Достаточно в «Библио-Глобусе» или другом крупном книжном магазине посмотреть, что там стоит на первых полках. Обращаются к легкой литературе, а не к источникам. К источникам обращаться нужно, уже имея определенный багаж знаний.

Из документов, которые отложились в разных архивах, мы пытаемся собрать и показать некую единую картину. Потому что иначе мы революцию не поймем, если будем рассматривать ее только в одной плоскости. Это, в общем-то, вполне понятно.

Сейчас, буквально пару недель назад, вышел дневник Л.А. Тихомирова 1905–1907 гг. Фрагменты из него печатались когда-то в «Красном архиве», а мы издали его полностью. И когда готовилось это издание, нужно было подготовить к тексту более 900 комментариев. Потому что огромное количество материала, который для современника был вполне понятен (революционный терроризм, карательные экспедиции властей, служба и жизнь царских сановников и т.д.), сейчас приходится комментировать. Мы имеем дело именно с тем, что вещи понятные и даже банальные для профессионалов, для массового сознания являются сейчас «тайной за семью печатями». Посмотрите, например, блиц-опросы «первых встречных» на улице: путают Отечественную

войну 1812 г., Первую мировую и Великую Отечественную. Все это нас подталкивает к тому, что надо просвещать общество. И, наконец, надо бороться с мифологизацией сознания. Каким образом это делать? Я думаю, в том числе с помощью вот таких «круглых столов», с помощью публикации документов, проведения выставок, просвещения. Может быть, даже в определенной степени настойчивого просвещения читателей и потенциальных слушателей. Нужно прививать знания, культуру, хороший вкус. И в этом плане подобные «столы», конечно, имеют значение как интеллектуальные площадки. За что еще раз хочу поблагодарить уважаемых коллег, потому что это, как мне кажется, очень важное начинание.

Булдаков В.П.: Вынужден поправить докладчика: с Павловым относительно японских денег ни эксплицитно, ни имплицитно в полемику никогда не вступал.

С.Г. Кара-Мурза: Одна из причин нынешнего нашего состояния в том, что мы плохо знаем ту революцию, из которой вырос СССР. Особенно туманно мы представляем революцию 1905–1907 гг.

Весь XX в. Россия жила в силовом поле большой мировоззренческой конструкции, которую можно назвать *«русский коммунизм».* Революция 1905 г. – его колыбель. Советское обществоведение дало нам облегченную модель этого явления, почти пустышку. В самой грубой форме русский коммунизм можно представить как синтез двух больших блоков, которые начали соединяться в ходе революции 1905–1907 гг. Это сплетение очень разных течений, взаимно необходимых, но в какие-то моменты и враждебных друг другу.

Первый блок — это то, что М. Вебер назвал, вслед за К. Марксом, но более определенно, *«крестьянский общинный коммунизм»* (иногда он называл его *архаическим крестьянским коммунизмом*). Второй блок — русская *социалистическая* мысль, которая к началу XX в. приняла в качестве своей идеологии марксизм. Вместе – синтез модерна (индустриализма) с общинной традицией аграрной цивилизации.

Общинный коммунизм в России питался «народным православием», не вполне согласным с официальной церковью. Социалисты в России исповедовали идущий от Просвещения идеал прогресса и гуманизма. Оба эти блока были частями русской культуры, оба имели сильные религиозные компоненты. Результатом их синтеза стали фундаментальные открытия и оригинальные политические решения. Многие из них исходили из идей В.И. Ленина, многие он сам представил и обществу России, и, реально, мировому сознанию.

Революция 1905 г. – дело общинного коммунизма, почти без влияния социалистов. Зеркало ее – Л.Н. Толстой. После нее произошел раскол у марксистов (социал-демократов), та часть, что пошла на смычку с общинным коммунизмом – *большевизм.* Важнейшим поворотом на этом пути стало принятие и развитие идеи *союза рабочих и крестьян* как субъекта русской революции. Эта инновация – ересь для марксизма.

Большевизм сформировался и стал организующей силой в момент разрыва непрерывности в развитии цивилизации Нового времени, в ходе глобального конфликта традиционных обществ с Модерном мировой капиталистической системы. Большевизм, зарождавшийся как проект освобождения эксплуатируемых и угнетенных масс России, сразу оказался втянут в эту глобальную катастрофу. Оказалось, социальные противоречия России нельзя было разрешить или смягчить, если не вырваться из исторической ловушки периферийного капитализма, в которую капитализм втянул Россию.

Эту траекторию резко изменила революция 1905–1907 гг., из которой Ленин и идущая за ним часть большевиков сделали фундаментальные выводы. Уроки этой революции позволили им преодолеть важнейшие догмы марксизма и начать строить новую концепцию общества, государства, революции и даже мироустройства (*марксизм-ленинизм*).

В ходе революции Ленин пересмотрел модель Маркса и порвал с взглядом на крестьянство как на реакционную мелкобуржуазную силу. Это был

разрыв с западным марксизмом. В статье «Лев Толстой как зеркало русской революции» (1908) Ленин дал новую трактовку русской революции. Это – революция не буржуазная, а союза рабочих и крестьян ради *предотвращения* капитализма. Так параллельно назревали *две* революции, враждебные друг другу. Революция 1905 г. явно пошла по пути, который отверг Маркс. Программа Ленина означала разрыв с ортодоксальными марксистами.

Революция 1905 г. и реформа П.А. Столыпина приводят Ленина к выводу: крестьянство не просто не распалось, оно носитель революционного потенциала. В 1908 г. Ленин отказывается от главных тезисов своей книги 1899 г. и признает, что народники верно определили устремление крестьян и грядущей революции.

В совокупности крестьянских наказов и приговоров 1905–1907 гг. выражена центральная мировоззренческая матрица крестьянства начала XX в. Реформу Столыпина отвергли принципиально и непримиримо — не было *ни одного* наказа с ее поддержкой. Революция 1905 г. была лишь первой пробой сил крестьянского коммунизма. Она не достигла всех своих целей, но стала «университетом» для рабочих и крестьян.

После 1905 г. из потока проектов стали выделяться большевики – у них стала складываться новая картина мира. Марксизм (как и либерализм) исходил из принципов «*науки бытия*» – классической науки XIX в. История была чередой состояний *равновесия*. Революция 1905 г. дала толчок теории. Ленин изучал кризис физики и ввел в партийную мысль принципы «*науки становления*». Большевики видели процесс как переходы «*порядок–хаос–порядок*» (в наших терминах).

В своей теории революции Ленин сразу вышел на важнейшие общие закономерности, отвечающие на критические вопросы многих стран и целых цивилизаций. Это те страны, которые переживали кризис модернизации, находясь на периферии капиталистической системы. Ленинизм дал импульс современного национально-освободительному движению и крушению колониальной системы.

Люкшин Д.И.: Революция в России была, наверное, не единственной, но почему революцию Пятого года мы называем Первой? Прежде чем предложить свою версию ответа на этот вопрос, позвольте выразить признательность за возможность выступить в этом историческом здании перед столь блестящей аудиторией.

Когда мы говорим о Первой русской революции, мы, в общем-то, оказываемся в весьма своеобразной ситуации, потому что в большом историческом ритме Первая русская революция закрывается от нас революцией 1917 г. Мы ее («Первую») получаем, вычитая из «Третьей», привязываем к Октябрьской революции 1917 г. Слов нет: тройственный ритм, лежащий в дискурсивной формации христианской цивилизации, задает темп всей евро-атлантической культуре, и, заслышав его в какофонии исторических коллизий, любой духовный наследник Августина Блаженного воспримет сюжет, состоящий из трех элементов, как гармонически завершенный.

Но... Давайте еще раз вспомним М. Левина: давайте представим, что Семнадцатого года не было. Не хронологически, а так сказать – историософски. Тогда революция Пятого года приобретает свое собственное звучание, уникальный исторический смысл. Кроме того, изменение исторической ретроспективы тоже подталкивает к корректировке взгляда на революцию 1905 г. Хотя бы потому, что на каждом повороте истории обнажаются некие новые исторические смыслы. У нас же, насколько я помню, серьезный анализ революции 1905 г. предпринимался еще в годы Советской власти, то есть 30 лет назад. Это достаточно много, для того чтобы иметь возможность изменить угол зрения, сместить фокус зрительный, и посмотреть на «Первую русскую революцию» уже не как на «преддверие Октября», не как на его «генеральную репетицию», а как на некую своеобразную, отдельно стоящую веху в истории, самостоятельную такую революцию. Это объективная задача. Она связана с особенностью деятельности истории как социального института, и хотя каждое поколение историков искренне полагает, что здесь и сейчас дает

окончательный ответ на все вопросы, через какое-то время оказывается, что фокус опять сместился – и приходится те же самые задачки перерешивать.

Но кроме объективной причины возвращаться к анализу революции 1905 г., на мой взгляд, существует еще и субъективная. Просто анализ событий 1905 г. представляется более плодотворным вне контекста революции 1917-го, о чем, кстати, И.И. Глебова говорила. То есть, ставить вопрос: как 1905 г. выглядит с точки зрения современной истории именно из XXI в.? Ну и, в отличие от наших старших коллег, которые вплоть до 1989 г. были обязаны выступать с позицией, скажем так, однозначной победы коммунизма, мы можем позволить себе некоторые вольности и отсутствие, соответственно, генерального дискурса закономерности исторического развития.

В связи с этим мне бы хотелось поплакаться перед коллегами в на тему того, что попытка в течение трех часов, четырех, пяти... часов решить проблему революции 1905 г. – она, естественно, избыточно амбициозна. Мы не можем этого сделать. Поэтому, отдавая дань уважения нашим гостеприимным хозяевам, хотелось бы все-таки отметить, что серьезные разговоры могут начинаться только в случае продолжения этих встреч и превращения этого «круглого стола» в некую серию встреч с более узкой тематикой. Кстати говоря, поиск этой тематики тоже остается открытым: какие вопросы выносить на эти встречи не совсем понятно, зависит от взгляда каждого из участников.

Мне бы в связи с этим хотелось затронуть, собственно, две проблемы, которые кажутся мне, ну, если и не самыми важными, то одними из... Это проблема «Русской Смуты», которую интерпретируют по-разному. Скажем, классическое определение смуты – это утрата государственного устройства и пребывания общества в безгосударственном состоянии. Сегодня мы слышали, что это период, когда народ ищет сам себя. Мне бы хотелось подчеркнуть, что не только народ. Это период, когда, прежде всего, власть ищет саму себя, она пытается себя найти, осознать себя властью и понять, что, в общем-то, это последний окоп, выхода из которого уже нет. То есть, откуда берется новая власть, кто это новая власть?..

И, конкретно, переходя к революции 1905 г.: на мой взгляд, совершенно недостаточно внимания уделяется деятельности либеральной оппозиции и оппозиции вообще, в связи – не только с думской, – а вообще с политической риторикой начала XX в., когда традиционный аграрный вопрос, имевший как бы статус дискуссионной площадки между властью и обществом, уступает место вопросу рабочему. И после того, как политическим трендом становится рабочий вопрос, а аграрный – отходит на второй план, мы получаем Вторую русскую смуту, мы получаем рурализацию общества и сокрушенное заявление В.И. Ленина в 1918 г. о том, что пролетариат выступил в качестве агента мелкой буржуазии, то есть таскал фактически каштаны из огня для крестьянства.

Почему аграрный вопрос перестал быть актуален? Я попробую предположить: потому что крестьянство, в общем-то, в революции 1905 г. себя проявило, ну, скажем так, «средненько», а вот пролетариат действительно «прогремел». И в либеральных кругах возникло ощущение, что ставка на крестьянство не актуальна, что лучше сделать ставку на пролетариат.

В этой связи возникает вопрос о том, насколько наши либералы стремились выражать интересы той или иной части населения, насколько оправдана была их именно партийная риторика – и не являлась ли политическая дискуссия начала XX в. спекуляцией, имеющей целью просто выцыганить чего-нибудь у власти.

При этом я вовсе не собираюсь ставить под сомнение неоднократно звучавшее здесь мнение, что в начале XX в. нам с властью-то, в общем, не повезло. Объективно не повезло.

В.В. Кондрашин: Очень короткий вопрос. Все-таки, мне не совсем понятна вот эта формулировка, что крестьянство проявило себя в годы Первой революции «средненько». По-моему, факты говорят о другом, и даже участие крестьянства в выборах в Государственную Думу и т.д., все это как бы не очень похоже на «средненько». Что Вы имеете в виду под «средненько»?

Люкшин Д.И.: А я имею в виду ресурс бунтарский, агрессивный ресурс. Крестьянство, как показали события Пятого года, было открыто для диалога с существующей властью (в этом смысле заслуга П.А. Столыпина в том, что он этот диалог начал, сменив менторский тон на деловой). А либералы (и не только либералы), претендовавшие на роль теневого Кабинета, намеревались эту власть шантажировать, выбивать из нее блага разные, которые как они считали, в стране распределены несправедливо. Но для того, чтобы государство обратило на них внимание, повернулось, так сказать, лицом, требовался соответствующий инструмент: здоровенная такая колотушка, чтобы достучаться. Так вот, начиная с А.И. Герцена на роль этого инструмента выдвигали крестьянство, которое, когда у него была нужда, могло так «вдарить», что любой самодержец быстренько оборачивался. Я специально обращаю внимание коллег на то, что крестьянство не само выдвигалось, его так позиционировали те, кто считал себя вправе (или в состоянии) говорить от имени «Великого немого». Но не получалось: «хождения в народ», десятилетия террора, исступленное просветительство... – все напрасно. Кризис оппозиции, драма народничества, тезис о вековечной отсталости России – все это следствия разочарования наших робеспьеров в российском крестьянстве, которое создало песню, подобную стону, и духовно почило.

На самом деле, являясь органическим элементом народного тела, крестьянство (как показали через сто лет после Н.К. Михайловского исследования Дж. Скотта и Т. Шанина) не может выступить против власти, это для него самоубийство (представьте себе, что получится, если мозг начнет войну с желудком; как минимум, язва получится...), но на рубеже XIX–XX вв. этого еще не знали.

И вот, в конце позапрошлого века, марксисты «обнаружили» пролетариат и, как положено марксистам, стали убеждать старших товарищей: ах, оставьте вы этого чумазого мужика, который ни на что не способен, возьмите лучше вот этого замечательного пролетария, – у него и молот соответствующий. Но их мало кто слушал, до декабря 1905 г., когда на баррикадах Пресни родилась

революционная легенда российского пролетариата. После этого как прорвало, все партии вынесли в повестку дня рабочий вопрос. Ну не сразу, конечно, было еще Выборгское воззвание, такая последняя попытка...

Тренд сменился. Я ведь когда говорил: «средненько», – имел в виду не размах крестьянского движения (оно, кстати, во всю мощь развернулось в 1906 г.), а несоответствие крестьянских лозунгов и формата аграрного дискурса вообще ожиданиям либералов и пророчествам социал-демократов. Оппозицию категорически не устраивал налаживающийся диалог крестьянства и правительства, потому что крестьянский парламентаризм, через какое-то время, вообще сделал бы бессмысленным так называемый российский либерализм.

Кстати сказать, в Семнадцатом году сыграла именно эта карта: к власти пришли – во всяком случае, удержали ее – те, кто использовал агрессивный ресурс пролетариата, точнее сказать: маргинального горожанина. Но это уже немного другая история...

В.В. Кондрашин: Вот это «средненько»! Просто, когда у них появилась возможность легально, мирным путем решать свои проблемы, они отказались от этих радикальных мер, и в общем-то, участвовали в выборах. Наоборот, это показатель того, что большинство (это, кстати, речь идет о большинстве населения России), которое вместо того, чтобы бунтовать дальше, слепо и, в общем-то, бесполезно, воспользовалось законными методами и пыталось решать эти проблемы парламентским путем. Почему это «средненько»-то? То есть, по-вашему, «не средненько», если бы они продолжали жечь помещиков, там, убивать их, то есть вели бы себя как больные, психически ненормальные люди? Потому что нормальный человек, если у него есть выбор не делать этого, он это делать не будет. И поэтому я не согласен с вами, с такой формулировкой.

В.А. Демин: Я хотел бы кратко рассмотреть особенности российского парламентаризма в годы Первой революции и сравнить их с зарубежной практикой, выявив таким образом некоторые общие черты и особенности.

Но прежде чем сравнивать российский парламентаризм с зарубежным, надо, естественно, немного сказать о последнем. Я упрощенно возьму для

сравнения только Европу. Ее страны по особенностям перехода от традиционного строя к парламентской демократии можно разделить на три группы.

В первую вошло большинство европейских государств, в которых был более или менее длительный период абсолютной монархии. В них под руководством монархии произошло объединение и (или) достижение независимости, поэтому монархия пользовалась огромным престижем и влиянием. Возвращаясь к вопросу С.Ю. Разина, могу сказать, что во всех этих странах парламентаризм первоначально внутренних корней не имел и был заимствованным институтом, и только потом укоренился.

Ко второй группе относятся несколько стран, в которых не было длительного периода абсолютизма (или его не было вообще) и конституционный строй складывался на основе сословно-представительной монархии или сословно-представительной республики. Это Англия, Нидерланды, Швеция, Венгрия. Именно в этих странах парламент имел прочные корни, и именно они разработали теорию и практику парламентаризма.

К третьей группе относятся в основном балканские страны и Норвегия, которые в XIX в. либо возникли, либо возобновили существование после перерыва в несколько веков. Их особенности для экономии времени разбирать не буду и перейду к России.

Очевидно, что Россия относится к первой группе, но перешла к конституционному строю позже, чем большинство таких стран. Запоздание это имеет несколько причин, остановлюсь только на самой фундаментальной. Во всех странах этой группы первоначально был длительный период цензового или куриального голосования, при котором решающий голос на выборах был у имущих классов, а неимущие либо вовсе не голосовали, либо голосовали, грубо говоря, «на птичьих правах». В России введение таких выборов было крайне затруднительно. Как известно, в сознании крестьян был принцип: царь хорош, бояре плохие. То есть народ видел в царе своего защитника от имущих классов.

Соответственно, если бы царь поделился властью с имущими классами, то крестьяне этого бы не поняли.

Теоретически был второй вариант – немедленное введение демократического голосования. Но понятно, что к нему Россия была также не готова. Во-первых, были острые разногласия между царем и крестьянами по аграрному вопросу. Вдаваться в них не буду из-за недостатка времени. Скажу лишь, что для осмысленного избрания начальства люди должны иметь какой-то уровень образованности. Между тем у крестьян такого уровня не было и в конце XIX в. Тут говорили, что до реформы не было, а после реформы было. Нет, только появлялось. К концу XIX в. в начальные школы ходила только треть детей соответствующего возраста. То есть две трети были вне школы.

В силу этого, в России и в XIX в., и в начале XX в. цари избегали конституции. Хотя некоторые из них, как известно, были ее сторонниками.

Когда же Россия все-таки перешла в годы Первой революции к конституционному правлению, то развитие событий в ней было точно таким, как и в других странах первой группы, в которых был длительный период абсолютизма. Почти все эти страны вначале ввели относительно демократическое голосование, но очень быстро от него отказались в пользу цензового или куриального. То же самое произошло и в Первой русской революции.

Вообще, думская история России времен Первой революции очень напоминает историю Пруссии 1848–1849 гг. Прусский король в 1848 г. созвал Национальное собрание, а спустя несколько месяцев его распустил. Депутаты призвали народ к пассивному сопротивлению. Параллель с I Думой налицо. В 1849 г. король Пруссии созвал палату депутатов, в том же году ее распустил и своей властью издал новый избирательный закон. Параллель с событиями II Думы и законом 3 июня 1907 г. налицо. Основные законы России 1906 г. (то есть конституция Российской империи на последнем этапе ее существования) точно напоминали зарубежные конституции, особенно прусскую, австрийскую и японскую.

В заключение скажу, что причины, препятствовавшие созданию парламента в XIX в., в полной мере действовали и в начале XX в. То есть создали относительно демократическую Думу – и она тут же стала требовать невозможного в рамках эволюционного развития страны. Тут говорилось, что I Дума якобы предлагала какой-то такой компромисс разумный. На самом деле она требовала немедленного перехода к демократии и немедленного формирования правительства, ответственного перед ней. И к чему бы это привело? Позволю себе процитировать пророческое утверждение журнала (протокола) заседания Совета министров в июне 1906 г., в котором говорилось, что ответственное перед Думой либеральное правительство будет вынуждено вести политику «боязливых уступок и деморализации администрации при растущей дерзости революционных партий. По истечении некоторого времени такое министерство, чтобы не быть самому заарестованным революционерами, вынуждено будет вступить с ними в борьбу. Но врага ему придется встретить с деморализованными армией и администрацией на позиции, наперед потерянной». Как известно, в 1917 г. получилось именно это.

Как известно, положение о выборах 3 июня 1907 г. превратило российскую конституцию в цензовую. Она в краткосрочном плане привела к очень успешному экономическому, культурному и прочему развитию страны. Однако долгосрочные последствия были иные. Революция 1905 г. была, как известно, подавлена армией, состоящей в основном из крестьян. То есть в 1905 г. армия сохранила верность присяге. Про 1917 г. этого сказать нельзя. Крестьяне – или их значительная часть – поняли, что царь вместо выполнения их требований предпочел поделиться властью с помещиками.

А.В. Чертищев: Известный французский философ К. Леви-Стросс утверждал: «Хранить свое прошлое является долгом каждого народа, долгом не только по отношению к самому себе, но и по отношению ко всему человечеству. Это сохраняет силу для всех народов, но особенно это так для народов, находящихся в привилегированной ситуации: переживающих свое прошлое в тот момент, когда для них открывается иное будущее». С уважением

относясь к прошлому России, партия «Справедливая Россия» предоставила интеллектуально-дискуссионную площадку для обсуждения уже состоявшегося варианта развития страны, важной вехи в ее истории – Первой русской революции, справедливо полагая, что разнообразие ракурсов ее описания даст более полное и объективное понимание этого события для современного состояния российского общества. Это важно еще и потому, что к знаменательным датам усиливается рокот голосов – угрюмых басов и, в терцию к ним, ехидных теноров агрессивных невежд, мошенников от истории и других околоисторических деятелей, которые воспринимают окружающий мир, людей, жизнь и историю чаще всего эгоистически, с высоты возведенного ими самими собственного интеллектуального пьедестала, подменяя историческую правду красиво сформулированными домыслами, мифологией, фальсификациями. Учитывая традиционную отечественную любовь к историческому мифотворчеству, можно даже считать верной сентенцию: «На Западе забывают то, что было. В России вспоминают то, чего не было».

110 лет отделяет нас от того, что современники этого события называли «Первой русской революцией», ныне полузабытой или остающейся в тени «Великой русской революции» 1917 г. Историческая дистанция вполне позволяет прийти к осмыслению не только ее причин и содержания, но и ближайших и далеких последствий: мы можем видеть и знать, к чему привело это крутопереломное событие.

Первую русскую революцию осуществили не слепые силы природы и не безликие массы, а вполне реальные люди, которые преследовали свои интересы. При всей своей стихийности она стала результатом преднамеренных действий, и с этой точки зрения не может не подвергаться исторической оценке.

По моему мнению, в самом общем плане, Первая русская революция была, *во-первых,* трагедией в истории России. Всякая революция по своей сути всегда трагедия, трагедия же России, наряду с человеческими жертвами и материальными потерями проявилась и в том, что огромную роль в революции

подчас играли не исключительно тяжкие условия существования, а непримиримые позиции власти и общества.

Во-*вторых*, эта революция была ожидаемо желанной для значительной части российского общества, особенно его интеллектуальной составляющей. Революцию в России ждали около ста лет, теоретически обосновывали, пытались практически готовить и завидовали Европе.

В-*третьих*, Первая русская революция сопоставима с европейскими революциями XIX в. по характеру, интенсивности и результатам, но отличалась меньшей прагматичностью в силу того, что российское общество имело довольно смутные представления о том, чего оно хочет и как этого реально достичь.

В-четвертых, эта революция была успешной. Плачевная хрупкость уз, скрепляющих Россию в начале XX в., определялась взаимодействием двух сил. Была историческая власть, с большим запасом знаний и опыта, которая уже не могла править одна, но опасалась всего, что не исходило из нее самой. И было общество, многое правильно понимавшее, полное благородных намерений, но не умевшее управлять ничем и никем, даже собой. Получалось буквально по М.Е. Салтыкову-Щедрину, который отмечал характерную для русских людей способность и готовность быть всем, кем угодно. Уверенность в нашей талантливости так велика, что для нас не полагается никакой профессиональной подготовки. Всякая профессия доступна нам, ибо ко всякой профессии мы вкус от рождения получили. Свобода от наук не только не мешает, но служит рекомендацией, потому что сообщает человеку букет свежести. Смягчающим обстоятельством такой невинности, наивности и государственного простодушия, о чем откровенно писала в воспоминаниях А.В. Тыркова-Вильямс, может служить только то, что ни у кого не было исторического опыта жизни в иных условиях, вне монархии. Общественники не давали России застыть и замерзнуть, когда сверху старались превратить ее в холодильник, а снизу – в костер; «нетерпеливцы» всячески подталкивали страну вперед, в то время как авторитарное государство изо всех сил жало на

тормоз; руководство России рассматривало ситуацию начала века как необходимость укрепления власти, радикалы – как сигнал к разрушению существующего строя.

Главный успех Первой русской революции состоял в том, что она завершилась не победой одной из этих двух сил, а компромиссом, основанном на взаимном самоограничении. Результатом этого компромисса стала Конституция 26 апреля 1906 г., широкая политическая реформа и столыпинские преобразования страны, а российский народ через возникновение парламентаризма получил определенный опыт политической культуры. Все это в целом создавало самые благоприятные условия для продвижения России к более совершенному состоянию. При этом следует особо подчеркнуть, что все составляющие успешного результата Первой русской революции не были случайными: за каждой из них была своя история, своя подготовка.

Самая большая удача Первой русской революции состоит в том, что власть и общество не уничтожили друг друга, что они не «взорвали народ» до состояния общей смуты, а народный мир, пережив волнения и повышенное напряжение, все-таки устоял и на некоторое время сохранил равновесие.

К сожалению, компромисс власти и общества оказался непродолжительным: обе силы сходным образом усмотрели в Думе не возможность прийти к согласию, а арену борьбы, и на трезвые голоса, призывавшие к сотрудничеству, обрушивались критики с той и с другой стороны. Поэтому с полным основанием можно утверждать, что Первая русская революция, несмотря на все ее несомненные достижения, не только не устранила главной российской беды – отчуждения правителей и их подданных друг от друга, но и отяготила ее, загнала вглубь.

Уроки Первой русской революции показывают, что необходимо изучать сущее, а не должное, и прежде всего с позиции антропоцентризма: способствовала ли революция свободному и позитивному существованию и развитию человека и гуманизации общества. Весьма актуальными и сегодня являются вопросы, возникшие в ходе революции: есть ли настоятельная

необходимость разрушать создававшиеся веками и испытанные временем институты ради новых, якобы идеальных систем, оправданно ли жертвовать благополучием и даже жизнью людей нынешнего поколения ради поколений грядущих? Как совместить порядок со свободой, не разрушив при этом социальную организацию? И еще одно, не бесспорное, утверждение. По мнению того же Салтыкова-Щедрина, чтобы российская власть была успешной, она должна держать свой народ в состоянии постоянного изумления. Может, стоит прислушаться?

Ф.А. Селезнев: Сегодня в рамках нашей плодотворной и весьма яркой дискуссии, на мой взгляд, было очень много критических стрел выпущено в адрес власти начала XX в. Она, с одной стороны, слабая, с другой – наоборот, не шла на компромисс, была сама по себе и т.д. Я не буду защищать власть начала XX в., хотя тот же самый Столыпин ведь был выбором Николая II – и именно Николай его поднял и сделал главой Кабинета. Но это отдельный разговор. Столыпин – тоже непростая фигура. Тем не менее, реформы Столыпина были сделаны при поддержке Николая II – и без поддержки царя они не могли быть сделаны.

Но сейчас я не буду говорить о плюсах власти, а хочу поспорить вот с каким тезисом. Мне кажется, все выступающие сегодня воспринимали власть как единое целое. На мой взгляд, это не так. Элита была расколота – и в этом одна из причин тех событий, которые имели место в 1905 г. А причина этого раскола элиты в том, что само общество было расколото, что оно переживало переходный период от аграрной стадии к индустриальной – и в результате этого и шли все эти процессы, которые приводили к противоречиям внутри элиты и противоречиям между правителем и элитой. Эти противоречия ослабляли элиту. Они затрудняли ее возможность и управлять, и вести диалог. Если мы посмотрим на состав правящих кругов, мы увидим там самые разные персонажи, самые разные позиции. Там были люди, которые, допустим, как директор Департамента полиции А.А. Лопухин, сотрудничали с эсерами, там были люди, которые готовы были идти на уступки либеральной оппозиции. Тот

же С.Ю. Витте, например, на этапе, который привел к Манифесту 17 октября, как раз эту линию проводил. И эта линия возобладала, результатом чего и стал Манифест. И здесь я, конечно, солидаризировался бы с И.И. Глебовой, которая сказала, что удачная революция – это когда ее результатом будет парламент. В данном случае парламент у нас получился, это был результат компромисса.

Но другой вопрос, – опять же, коллеги, возвращаюсь вот к этому тезису: а с кем можно было иметь дело, с кем этот компромисс мог быть заключен? Пассионарная часть оппозиции – это социалистическое ядро, социалисты. Компромисс с социалистом был невозможен. Либералы, по сути, занимали промежуточное, «межеумочное» положение, – и то, что они не пошли в правительство, очень ярко их характеризует. Они боялись своих соседей слева, и все время озирались на их мнение. Об этом очень много писала публицистика.

Поэтому, по большому счету, компромисс, конечно, был очень трудно достигаем, – и то, что шло движение в этом направлении, и какое-то подобие компромисса было достигнуто, – это, мне кажется, большое искусство и «плюс» Николая II и его окружения.

В.М. Шевырин: Большие научные открытия принято делать не на каждой конференции. И на нашем «круглом столе» мы их не делаем, что вовсе не означает, что мы лишь культивируем достижения прежней историографии и предаемся забытой новизне ее постулатов. Напротив, рефрен в дискуссии – необходимость пересмотра давно сложившихся представлений о революции. И это не есть «чистая платоника», – участники дискуссии предложили идеи, корректирующие эти представления.

Скажу об этом кратко. И начну с того, «забыта» ли революция 1905–1907 гг.? Разумеется, нет: появляются новые публикации, проходят конференции, посвященные ей, да и юбилеи – столетие Государственной думы и столыпинской реформы, порожденные ею, не дают и малейшего повода усомниться в том, что история революции востребована и ныне.

И дело не только в этом. Революция привлекает к себе внимание, прежде всего, тем, что она первая в череде российских революций, действительно изменивших мир. В нашей дискуссии было высказано мнение, что надо чуть ли не отказаться от самой терминологии: «Первая» революция, «Вторая»... Но могут ли историки «рубить» так сплеча, если участники и свидетели того рокового времени именно так и называли революции – «Первая», «Вторая». И еще: при таком отказе возникает аберрация самого исторического процесса в России, исчезают основные его вехи и нарушаются глубинные, имманентные связи между революциями, что было для многих современников так очевидно. При таком подходе повисают в воздухе все историографические датировки, периодизация начала и конца революционного процесса в России. Повторю, многие современники тех событий отчетливо сознавали связь между всеми революциями в России. Другое дело, что не было фатальной неизбежности этих революций. Философ, князь Е.Н. Трубецкой был прав, когда писал, что в России «все возможно в любую сторону». Но каждая из революций способствовала успеху последующей. И все заговорщические версии в прошлом или настоящем, все рассуждения о японских или немецких деньгах «для революции» – как потерянный кошелек с мелочью, как мусор под ногами истории.

Первая революция была народной. Это справедливо отмечается в дискуссиях, но ждало ли российское общество революцию едва ли не весь XIX в.? Нет, оно ждало реформ. И они явились. Благодаря им Россия вступила в 1860-е гг. в новый период своего развития. Однако неполнота реформ, их незавершенность, роковое промедление с их проведением вызывали постепенное напряжение в социально-экономической и политической сферах, рост радикальных и оппозиционных настроений.

Бесспорно, что 1861-й год «прообразовал» 1905-й. Стержнем революции стал аграрно-крестьянский вопрос – «мина», заложенная самим характером реформы, сработала в 1905–1907 гг. Но революция началась в городе. И пламя революции охватило всю страну. Это было следствием того, что развитие

страны сделало другим российское общество. И те радикальные оппозиционные идеи, которые широко распространились в обществе уже не были простой их филиацией, заимствованием, а стали теоретическим обоснованием практики политических сил.

Может быть, и поэтому не стоит революционные события XX столетия называть «Смутой», даже и с определением «Красная»? Чрезмерный акцент на психологии масс, участвовавших в «смуте»-революции, как бы затемняет ту роль, которую играло тогда их сознание. А оно было неизмеримо выше того, что проявлялось в смутное время XVII в.

Россия же в начале XX в. вступила в глобализирующийся мир. Русско-японская война, по мнению ряда современных ученых, была предтечей Мировой войны. И эта дальневосточная драма имела серьезное влияние на социально-экономическую и политическую ситуацию в стране. Военные поражения России привели к катастрофическим последствиям для правящего режима. Русско-японская война способствовала появлению «дуалистической монархии»; Первая мировая война сыграла огромную роль в падении самодержавия и затем – Временного правительства.

В дискуссии проявился нетрадиционный подход к оценке результатов революции. В прежней историографии подчеркивалось, что она потерпела поражение. Сегодня выражается и иное мнение. Это был компромисс власти и общества. Причем позитивную роль в этом сыграл Николай II, споспешествовавший реформам... Если это и так, то это было очень «из-под революционной палки» и перемежалось с попытками вернуть уступленное. Если власти и не с кем было договариваться, то больше всего по вине самой власти.

А.В. Гордон. В прошедшей дискуссии я с удовлетворением услышал новые идеи или новое обоснование уже вошедших в научный оборот позиций. Очевидное свидетельство значимости Проекта, в том числе из-за инсинуаций по поводу переписывания истории! «Переписывание» – естественный спутник историографического процесса; плохо, когда оно диктуется политическими

потребностями и превращается в уничижительность по отношению к накопленному наукой опыту и ученым – его носителям. На моей памяти такое бывало неоднократно. Кстати, помянутый здесь «Краткий курс истории ВКП (б)» был именно прямым переписыванием в совершенно определенных политических целях.

«Переписыванию» подвергается сейчас и революционная традиция: вместо апологии – поношение, выливающееся в уничтожение не просто памятников, – исторической памяти народа. Отражением «обличительства» (О.Г. Буховец) выглядит стремление обойтись без революций в историческом процессе. Понятна реакция на абсолютизацию их роли, когда даже в античности открывали «революцию рабов и колонов». Разумеется, социальные революции, означающие переход общества из одного состояния в другое посредством насилия, отнюдь не универсальное явление. Скорее продукт определенной исторической эпохи – Нового времени, времени ломки традиционных аграрных обществ и крушения абсолютистских режимов

Понятна и ассоциация революций с хаосом, «смутой», тотальным разрушением. Да вот плодотворна ли она? Вспоминаю, как в середине 1990-х гг. выступал на конференции представителей вузовской науки со всех концов России. Говорил о роли Великой французской революции в утверждении цивилизации Нового времени – Модерна или Модерности, как ее сейчас называют. И встретил ощутимое недопонимание: как же так, ведь революция – это Зло, а цивилизация – Благо. Да, – возражал я, – Революция ознаменовалась разгулом насилия, но ведь принесла Декларацию прав человека и гражданина, гражданское равенство, право крестьян распоряжаться своей землей. А Модерность разве безупречна? Не принесла ли эта цивилизация колониализм и мировые войны? Думаю, и Революция в России заслуживает ценностно-амбивалентного подхода, который, на мой взгляд, в целом и продемонстрировали участники «круглого стола».

Позитивная оценка отнюдь не избавляет меня от желания поспорить с некоторыми положениями. Так называемое аграрное перенаселение считается

одной из предпосылок революции. Почему «так называемое»? Из-за распространенной трактовки «перенаселенности» в мальтусовском духе фатальности для аграрных обществ. Была на эту тему в 1980-х гг. обстоятельная монография Ю.Г. Александрова, с тех пор положение, как вижу, изменилось мало.

Чем измерить «избыточность» населения в условиях, когда огромное большинство его жило в деревне? Что такое «избыточная» рабочая сила по меркам традиционных обществ, с учетом страдности и других особенностей труда на земле? У М.М. Пришвина в заметках по Прионежью есть многозначительное замечание. Пока в деревнях было достаточно мужиков, край обеспечивал себя. После массового отхода Олонецкая губерния сделалась депрессивно-потребительской. Льноводство на Северо-Западе могло существовать только благодаря «избыточной» рабочей силе, и обмен льна на зерно обеспечивал благосостояние края, пока сохранялся этот «избыток».

Десятилетиями слышу «сколько десятин на душу?». Но ведь прав В.В. Бабашкин, это средняя температура по больнице: чернозем Тамбовщины, подмосковный суглинок или псковский песчаник? Да еще расположение: недаром община во имя уравнительности бесконечно дробила семейные наделы. И недовольство крестьян в немалой степени было обусловлено расположением барских земель, вынуждавшим арендовать их на самых невыгодных условиях. И кстати, почему не учитывается, какая часть этих самых земель перешла фактически в крестьянский оборот? Известно, что в пореформенный период крестьянская аренда возрастала: помещики уходили от хозяйствования.

Есть и другая сторона вопроса. «Аграрное перенаселение» видится общим признаком традиционных обществ, и Т. Мальтус выводил свой «железный» закон отнюдь не в России, а из опыта Западной Европы. Но ведь не везде и не всегда дело доходило до крестьянской революции и тем более «черного передела». К XX в. крестьянские общества постепенно научились справляться с порочностью демографического цикла. И не только

принудительным ограничением рождаемости, но и трудоинтенсификацией, совершенствованием агротехники, наконец, химизацией. Заметим, российская деревня в начале XX в. уже была неплохо знакома с туками. А в наше время в перенаселенной деревне Южной и Юго-Восточной Азии альтернативой «красной» явилась «зеленая революция», обусловленная, кстати, внедрением рыночных отношений. Понимая ориентировочное значение «гектарно-душевой» статистики, я против того, чтобы она служила основой для далеко идущих выводов вроде «обреченности» аграрной модернизации в России.

Никак не могу согласиться, что истиной крестьяноведческого подхода является «моральная экономика». Абсолютизирующая логику и психологию натурального хозяйствования концепция Дж. Скотта – лишь один из подходов, вызвавший принципиальные возражения. Когда я в 1970-х гг. взялся за крестьяноведение, моя позитивная программа была крайне слаба. Но были два догмата, которые я воспринимал прямо по В. Высоцкому: пусть впереди большие перемены, я с этим никогда не соглашусь. Один, – что крестьянство – объект Истории; и другой вот этот – неизменность крестьянской природы, что крестьянство – это «вечно средневековая масса». Цитирую идеолога Третьего мира Ф. Фанона, который отнес данный стереотип к «европейскому мышлению», представленному в равной степени либеральной и марксистской мыслью.

Конкретно об изменениях, происходивших в российской деревне в пореформенный период, уже говорилось. Хочу заострить вопрос: о чем идет речь при столкновении различных оценок перспектив крестьянской модернизации – об изменениях в материальной жизни и их восприятии крестьянами или о «первобытно-аграрном коммунизме» в нашем сознании, о своеобразно кодексе «аграрного романтизма», сформулированном народнической мыслью во второй половине XIX в.?

Подчеркивая необходимость такого различения, я отнюдь не умаляю значения констант национального сознания. Напротив, мне самому довелось ими заняться в 1990-х гг., и кстати, я обнаружил, что основные архетипы так

называемой Русской власти – сравнительно недавнего происхождения. Так очень важный из них сложился при Екатерине II – о вечности самодержавия. Будто бы установилось оно в России от «призвания князей» (так царица деликатно именовала предводителей варяжских дружин) и с тех пор является выражением народной воли.

Этот догмат противопоставлялся идеологеме «завоевания» как основе государственности в Западной Европе. Последней идеологи Екатерининского века отводили вечную борьбу верхов и низов, а России – народное единение вокруг власти. В пику прозвучавшим утверждениям о неискоренимом западничестве российской правящей элиты должен сказать, что сама царица, держа курс на европеизацию, была весьма озабочена отстаиванием национальной идентичности. Ныне синкретичность ее позиции, сплавлявшей отечественную традицию с идеями Просвещения, представляется весьма актуальной.

В текущем моменте вполне понятны установки исследователей на изыскание самобытности России. Нежелателен лишь отрыв от всемирно-исторического процесса. Тут, как и в политике, изоляционизм несостоятелен. Поучителен пример современного Китая. Подобно России, для КНР злободневна задача отстаивания статуса великой державы. Притом веками китайские мыслители придерживались мифологемы самодостаточности Поднебесной, независимости ее существования от остального мира. А сейчас, когда Китай глубоко интегрирован в мировую экономику и прокладывает «шелковые пути» по всей Евразии, в широкий научный обиход вошли мир-исторические теории, в которых доказывается, что при всем своеобразии страна была неизменной частью мировой системы, испытывая влияние исторического процесса в Европе и, в свою очередь, влияя на него.

В.В. Кондрашин очень уместно напомнил, что революция 1905 г. была частью мирового исторического процесса и имела широкое международное значение. Поучительны и приводившиеся факты демократического прогресса России в ходе революции. Характеризуя – совершенно справедливо –

своеобычность этого процесса в России, не следует забывать об общем его направлении. В том числе в социально-психологическом или, как было уточнено И.И. Глебовой, в цивилизационном плане.

При всей смене идейно-теоретических поветрий не устаю восхищаться гениальным – другого слова не подберу – определением революционной ситуации у В.И. Ленина «низы не хотят жить по-старому, верхи не могут управлять по-старому». Что значит «не могут»? Колоссальный вышколенный и отлаженный бюрократический аппарат, полиция, тюрьмы, каторга, великолепная система сыска, наконец, огромная армия. И что же? А вот нет уверенности в неизменности самодержавной системы, в правоте абсолютизма.

При всей сохранявшейся физической мощи империя Романовых к своему 300-летию с исторической точки зрения морально устарела. С ней произошло то же, что было с Бурбонами в конце Старого порядка. Власть утратила социальную инициативу, она безнадежно запаздывала с назревшими преобразованиями. Согласен с В.В. Кондрашиным: альтернатива всегда могла быть. И кто знает, как бы пошло развитие России, случись столыпинская реформа лет на 15–20 раньше?

Увы. Терроризованная в прямом и переносном смыслах, подавленная собственной неспособностью к решению все обострявшихся социальных проблем, сосредоточившаяся на удержании власти и поддержании порядка любой ценой империя Романовых к началу XX в. производила впечатление «броненосца, застывшего в доке» (по метафоре О. Мандельштама).

Показательна смена имперской символики. Сравните памятник основателю Империи – вдохновенный полет Медного всадника над Невой и тяжеловесный монумент Александра III – «среди площади комод, на комоде бегемот, на бегемоте истукан». Олицетворение стабильности и порядка, которое уже воспринималось в имперской столице с откровенной насмешкой.

Азбучная истина – нет революции без революционного сознания. Где-то на рубеже XIX–XX вв. российское общество охватывает ощущение приближающейся катастрофы. Литература полнится эсхатологическими

темами. Далеко не все, подобно Буревестнику, жаждали Бури. Но и те, кто страшился ее, по-своему ее приближали, внося в общественное сознание свой страх. Не только низы «не хотели», недовольство расширялось и обострялось, все увеличившиеся круги общества тоже уже «не могли» жить «по-старому».

Конечно, катастрофизм нельзя отождествлять с революционным сознанием. Как заметил большой знаток революционной теории и практики П.А. Кропоткин, – и его силлогизм я тоже часто повторяю, – отчаяние порождает бунт, для революции нужна надежда. Надежду на возможность благотворных перемен давали не только революционная агитация и художественная литература. Не меньше, а, может быть, больше значили посулы со стороны самой власти: обещание реформ, их проекты, их непоследовательность.

Рад, что на «круглом столе» был дан отпор «теориям» иностранного золота. Бывали попытки «экспорта революции», как правило, неудачные. А вот «экспорт контрреволюции» – заурядное дело. Одна парижская газета по поводу Реставрации писала: «Свободу не привозят, как Бурбонов в фургонах». Занятно, что конспирологи от геополитики, взвешивающие, сколько иностранного золота получила Русская революция, не вспоминают, сколько золотых займов получил царизм для ее подавления.

Точно здесь (И.И. Глебовой) было сказано: «народная революция», – и это можно считать одним из итогов нашей дискуссии о Пятом годе.

П.П. Марченя: Уважаемые коллеги, наверно, пора подводить итоги. Сегодняшний «стол» все-таки показал, что не такая уж это и «забытая» тема... И у нас этот «стол» состоялся, и – вот В.П. Булдаков не даст соврать – в Институте российской истории сегодня как раз тоже конференция, посвященная юбилею так называемой Первой русской революции. Значит, тема не забыта российской наукой – это хорошо. И может быть все-таки уроки того, о чем мы сегодня говорили, каким-то образом будут учтены интеллектуальным классом современной России.

Ну а в конце хотелось бы все же вернуться к тому, с чего начинали. Действительно, та власть – расколотая ли она или единая, но та, что исторически была в начале XX в., – с вызовами истории не справилась и демонстрировала, что ей плевать, каким именно народом она управляет. Она народ не понимала и не хотела понимать, не собиралась понимать. В конце концов пришла та власть, которая учитывала, каким именно народом она управляет, и восстановила преемственность Российской империи в XX в.

Хочется верить, что сегодняшней власти не все равно, каким народом она управляет, – и у России есть надежда, что ее императивы будут иметь будущее и дальше.

Огромное спасибо всем, кто пришел. И персональное спасибо депутату Государственной Думы А.В. Казакову, который нас принял. Без его отклика – организационного, творческого, теплого, человеческого – сегодняшний «круглый стол» просто не состоялся бы. Спасибо.

С.Ю. Разин: Я в свою очередь хочу поблагодарить тех, кто на протяжении этих шести лет поддерживал наш проект. Мы благодарим всех, кто сегодня пришел, а также фракцию партии «Справедливая Россия» Государственной Думы за помощь и поддержку в организации этого «круглого стола».

А.В. Казаков: Уважаемые коллеги, спасибо огромное за сегодняшнюю работу, за то, что пришли. Если говорить о дальнейшей работе, то у меня такое предложение: ту теоретическую подоснову, которую мы здесь обсуждали, необходимо в конечном итоге превратить в конкретные идеи, которые позволили бы – с использованием различных уровней государственной власти – улучшить жизнь наших граждан и создать условия для нового качественного скачка в развитии нашей страны. А мы готовы, как фракция, продвигать эти идеи в жизнь, чтобы научная мысль из теории переходила еще и в практические предложения.